

Виктор Зорин
Дарья Семикопенко

СТИЛЕТ С ГОЛОВОЙ ЗМЕИ

Петербургские детективы

Виктор Зорин

**Стилет с головой змеи.
Петербургские детективы**

«Издательские решения»

Зорин В.

Стилет с головой змеи. Петербургские детективы /
В. Зорин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837615-3

1890 год. Будущий юрист Михаил Гальский отправляется в гости к своему дядюшке, чтобы ознакомиться с условиями завещания. Вечер в гостях заканчивается жутким и загадочным убийством. Михаила и сыщика-любителя Льва Николаевича Измайлова ожидают четыре дня захватывающих поисков и приключений, которые завершатся схваткой с изобретательным убийцей. Следуя за ними в компании с вислоухим котом Хералдом, вы ощутите лёгкую иронию молодости и завораживающую атмосферу императорского Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-44-837615-3

© Зорин В.
© Издательские решения

Содержание

Письмо	6
В путь	8
История стилета	11
Визит	13
Появление Льва	16
Приключения дяди Феликса	18
Шпионские страсти	20
Швейцарский транзит	22
Ода стилету	24
Разговор по душам	26
Веселье прерывается	28
Убийство	30
Дознание начинается	31
Потрясающее открытие	33
Зонты и трости	35
Очень личный досмотр	38
Награда для героя	42
Конец трудного дня	45
Мой новый дом	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Стилет с головой змеи
Петербургские детективы
Виктор Зорин
Дарья Семикопенко

© Виктор Зорин, 2017

© Дарья Семикопенко, 2017

ISBN 978-5-4483-7615-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо День первый

В тот тихий летний вечер, когда воздух над Невой уже остывает, а солнце ещё отказывается заходить за горизонт, в дверь моей квартиры на Миллионной позвонили. Открыв дверь, я увидел перед собой посыльного.

– Письмо для господина Гальского, лично в руки, — с поклоном произнёс человек.

– Вот мои руки, — откликнулся я, забирая протянутое письмо.

На фуражке посыльного виднелся номер артели – 4. Мне нравится цифра «четыре» за то, что она похожа на букву «ч», а буква «ч» у меня всегда ассоциируется с честностью. Готов поспорить, что если вы дадите этому малому чек на 1 000 рублей на предъявителя, он в разумные сроки доставит его по названному вами адресу.

Дав посыльному на чай за честность, я отправил его восвояси.

Окна моей комнаты выходят на Петропавловскую крепость. Этот величественный вид украшают живописные закаты, благодаря чему по вечерам солнце помогает мне экономить на свечах.

Я вскрыл письмо ножом из слоновой кости, который подарил мне отец. На лезвии ножа искусно вырезаны две фигурки, сидящие на коленях напротив друг друга – махараджи и обезьяны. Они о чём-то размышляют. Надеюсь, что однажды этим ножом я открою письмо с удивительной тайной.

Пока же – я знал это точно – мне пришло письмо от моей сводной тётушки или второй жены дяди Феликса – Елизаветы Кондратьевны. Дядя Феликс терпеть не мог писать письма, но обожал их надиктовывать. У себя на работе он именно так и поступал, а семейные послания поручал отправлять своей новой супруге.

Письмо пахло пудрой и сладковатыми жасминовыми духами. Елизавета Кондратьевна писала:

«Мой дорогой Michelle.

Я уговорила твоего дядю не делать из домашнего события официальную церемонию. Мне кажется, что присутствие адвоката, которым возможно в будущем станешь и ты, слишком утяжелит атмосферу в доме. Кроме того, адвокаты ужасно скучно и долго читают. Надеюсь, что ты не будешь им подражать. Гораздо лучше было бы устроить званый обед, где каждый сможет немного отдохнуть, развлечься и провести время с пользой.

Я решила собрать домашних и несколько друзей, чтобы Феликс сам, нормальным русским языком, рассказал, как он решил распорядиться имуществом и деньгами в случае (не попусти Бог!) своей смерти. Поскольку Феликс искренне принимает участие в твоей судьбе, твоё присутствие в нашем доме будет крайне желательно.

Ждём завтра к трём.

Всех ожидает большой сюрприз!

Твоя Елизавета Лескова».

Бог мой, как долго женщины доходят до сути вещей!.. А это непременно желание поинтересничать! Напишите ясно: «Ожидается прибытие индейского вождя в полном боевом облачении», и я по дороге куплю ему в подарок связку деревянных бус. Или: «Будет

огромный взрыв», и я захвачу второй платок, чтоб уберечься от дыма. Но – нет: сегодня я усну на две минуты позже.

В путь

Отчего мне дорога квартира на Миллионной?

Не оттого, что совсем рядом стоят дворцы, а великие князья с богатейшими людьми Петербурга живут или на моей стороне улицы, или на противоположной.

Одно окно с видом на Петропавловскую крепость чего стоит!..

Есть и ещё одна приятная особенность. Я просыпаюсь довольно поздно, но не люблю просыпаться. Тут мне вынь да положь выстрел петропавловской пушки. И – не абы как, а ровно в двенадцать: в жизни я уважаю точность. Опять же: не нужно просить дворника, чтоб постучал вовремя, и — как результат – не надо никому давать на чай.

Кстати: на вчерашнем званом обеде у Юрловых было вдоволь еды, и посему утренний чай я проглотил, не закусывая.

Погода за окном была великолепная: солнце грело влажную со вчерашнего дня мостовую, но лужи почти пропали. Я смекнул, что в такой день лучше будет прогуляться до дядино дома, прекрасно сэкономив на извозчике. Этот конный грабитель потребует тридцать копеек, хотя я в другой конец города доеду за двадцать, а я буду торговаться, пока не собью цену до десяти или двенадцати копеек. А так я за те же деньги побреюсь, прогуляюсь да ещё и останусь.

Я надел котелок и прихватил зонтик: никогда не доверяю этому капризному городу!

Жаль, что приходится бриться, но это очень удобно: борода не колет, не щекочет и — что немаловажно – приятно касаться девичьего лица гладкой щекой во время поцелуя.

На углу Миллионной и Мошкова переулка вы не пропустите кованую вывеску, висящую на доме: мужская усатая физиономия в облаках пены, раскрашенной белой краской. Это цирюльня Пьера Дайена – милого болтуна с буйными чёрными волосами и маленькими усиками, которому я доверяю своё лицо, а иногда и причёску с пробором.

– Михаил Иванович, за что нам такое счастье?! — кричит он, не давая дозвенеть колокольчику над входом и жутко грассируя. — Садитесь. Пожалуйста, — Дайен суетится, разворачивая стул, взмахивая простынями и создавая вокруг меня ветер.

– Вы знаете, какое горе? — ужасается он и его отражение в зеркале.

– Что случилось, Пьер, у вас кончилось мыло?

– Гораздо, гораздо хуже! Умер наш великий художник. Ван Гог!

– Ну он же голландец, Пьер.

– Что вы говорите, Михаил Иванович? — Пьер начинает взбивать шапку мыльной пены в тазике. — Он жил и рисовал только у нас – во Франции.

– Конечно, конечно. — Журчание Пьера о последних французских новостях отлично подходит для моих раздумий. Ответа не требуется: лучше не болтать, когда у носа сверкает опасная бритва.

Не будем притворяться: сейчас меня волновало возможное наследство и моя доля в нём. Но не будем и обольщаться. Во-первых, дядя себя неплохо чувствовал: я видел его три дня назад. Во-вторых, я всегда завидовал Онегину: этот фантастический персонаж был наследником всех родных. Куда Евгений подевал бедных детей своей родни, Пушкин почему-то скрыл, но устроился этот франт превосходно.

Мой дядя Феликс Петрович был ценен тем, что владел хлопкопрядильной фабрикой «Волховец» и поставлял свои ткани в десятки городов России. Дела шли неплохо, и модные дома столицы знали дядю и его сукно в лицо.

Я же был далеко не первым и не самым близким наследником вполне здорового дяди Феликса. Вместе с ним в его доме жили дочь и сын от первого брака — Игорь и Ирина.

Игорь любил играть на скачках, отчего деньги у него долго не водились.

Ирина, как я знал, симпатизировала дядиному секретарю — довольно дельному молодому человеку Александру Ланге. Немецкая вьедливость и аккуратность сделали его незаменимым помощником в торговле тканями. Однако Феликс Петрович не собирался отдавать Ирину замуж за безродного немца. Хотя амурные перспективы Ирины и Александра были очень смутными, мой опыт говорит, что во время взаимных симпатий деньги молодым людям всегда необходимы.

Третьим моим конкурентом — или соперницей — в очереди за наследством была милейшая Елизавета Кондратьевна. Новая дядина супруга.

Я не испытывал иллюзий насчёт щедрости моего родственника. Своей родной сестре — моей матери — он присылал открыточку на Рождество и на Пасху. На этом его душевное расположение исчерпывалось. В гости к нам в череповецкое имение он тоже не навещался, ссылаясь на занятость.

Мной же он интересовался только потому, что я мог стать стряпчим, полезным в его тканевом деле. Да, он давал мне немного денег просто так, пока я держал экзамены в Императорский университет. Но как только испытания завершились моим поступлением, дядя справедливейшим образом решил, что оставшееся до лекций время я с полным успехом проведу у себя на родине.

Возможно, вы сумели заметить, что мои перспективы в деле наследства строились на зыбких надеждах, что в один прекрасный день я так устрою дядины дела, что ему останется лишь снимать сливки со своего процветающего дела.

Я умею трезво мыслить, иначе навряд ли поступил бы на юридический факультет. Честно взвесив дядину сдержанность и моё не начавшееся обучение, я пришёл к неутешительному выводу: самый толстый кусок моего наследства будет включать оплату университетского курса без затрат на жильё и возможное жалование в годы счастливой работы на дядюшку.

В это мгновение я так искренне вздохнул, что перепуганный Пьер отпрыгнул, вскричав:

— Я не мог вас царапать, Михаил Иванович!

Я утешил моего петербургского цирюльника, сказав, что, размышляя о Ван Гогe, искренне ему посочувствовал. После случившегося Пьер провожал меня с болью в глазах.

Гладкий и благоухающий, я вышел на улицу и тут же был остановлен непередаваемым запахом булочек. Наискось от цирюльни Дайена, на углу моей любимой речки Мойки, стояла миниатюрная кондитерская «Dresden», где хозяин-бельгиец Флориан Мертенс уверял посетителей, что он — лучший ученик мсье Филиппова. Что ж: булочки и пирожные зазывали ароматами куда лучше, чем фантазии Мертенса.

Тут я понял, что после пустого чая, выпитого утром, мой желудок станет жаловаться до прибытия в дядин дом. В день оглашения завещания я вдруг решил себя беспричинно порадовать, и купил за четыре копейки малиново-маковое пирожное, которое таяло во рту и наполняло меня новыми силами.

Идя по камням Дворцовой площади, я всегда смотрю на огромных гвардейцев в красно-черной форме и чёрных же косматых медвежьих шапках. Однажды мне довелось подойти к этим молодцам вплотную и оказалось, что я доставал им только до груди. С тех пор предпочитаю держаться поодаль, но чудо-богатыри вызывают у меня неизменное восхищение.

Тут же, на площади, в обычные дни бегают вездесущие мальчишки-газетчики, наперебой выкликая заголовки листков. Частенько они привирают, крича о несуществующих новостях, поэтому советую относиться к ним настороженно.

— Манна небесная выпала под Тамбовом!

— Стамбул отказал Болгарии в независимости!

– Стилет с головой змеи! Страшная тайна! Новая игрушка барона Феликса Лескова!

Услышав имя моего дяди, я опешил. Он никакой не барон, но имя Феликс не так уж часто встретишь в России. Пришлось купить «Новое время» за три копейки. Я бы предпочёл журнал «Всемирная иллюстрация», но «новую игрушку барона Лескова» пропустить было нельзя.

История стилета

Газета «Новое время» любила приврать, как и мальчишки-газетчики. Однако редакция не пожалела типографского места, чтобы подробно рассказать о приобретении моего дяди. Тут уж репортёр развернулся на полную катушку. Статья называлась «Стилет с головой змеи» и была богата художественными деталями.

«Недавно известный барон Феликс Лесков приобрёл знаменитый стилет с головою змеи на рукоятке и двумя крупными изумрудами на месте змеиных глаз. Наше доверенное лицо сообщает, что редкое оружие стоило барону почти целого состояния. Ценность же одного стилета в том, что именно им был зарезан король Франции Генрих III Валуа. Здесь мы дадим нашим почтенным читателям историческую справку.

В мрачные времена французского средневековья одна религиозная война сменяла другую. Время, о котором у нас идёт речь, острословы называли «войной трёх Генрихов». С одной стороны бились католики под эгидой братьев Гизов, а с другой – протестанты во главе с королём Генрихом III и Генрихом Наваррским Бурбоном.

Католики убедительно побеждали, и Генрих Гиз Лотарингский, по прозвищу Меченый из-за ужасного шрама на лице, занял столицу – Париж. Он уже мнил себя королём Франции.

Полгода спустя под предлогом подписания мира коварный Генрих III созвал всефранцузское собрание в своей резиденции в Блуа. Доверчивый герцог Гиз прибыл на переговоры. В одном из коридоров замка Блуа гвардейцы короля подло напали на герцога. Они нанесли ему кинжалами несколько смертельных ударов и перебили охрану.

Но и этого Генриху III показалось мало. На следующий же день по его приказу гвардейцами был убит кардинал Людовик Лотарингский – брат Генриха Гиза Меченого. Услышав эту страшную весть, Папа Римский Сикст V проклял убийцу.

Узнав о проклятии Папы, молодой монах Жак Клеман поклялся отомстить королю, и преданные папскому престолу люди стали подготавливать заговор.

Жестокое убийство Гизов не помогло Генриху III занять Париж, — он продолжал копить силы для штурма в парижском предместье Сен Клу в королевском замке Екатерины Медичи. Здесь он и получил прошение Жака Клемана встретиться, чтобы передать письма сторонников Генриха III, томящихся в плену у католиков.

Легенда рассказывает, что сам Сикст V вручил монаху стилет с рукояткой, украшенной змеиной головой с изумрудами вместо глаз, и благословил на подвиг. Для верности Жак Клеман прихватил с собою несколько писем от роялистов, которые папские писцы искусно подделали.

1 августа 1589 года Клеман прибыл на аудиенцию к королю, глубоко спрятав стилет в складках рыжей монашеской рясы бенедиктинца. Войдя в зал для приёмов и поприветствовав Генриха, он подошёл к нему и протянул заготовленные письма.

– Ваше Величество, Высокочитимый Сир, — произнёс он. — В бумагах сих спрятаны тайные сведения, кои должны касаться лишь вас и больше никого.

Охрана короля по знаку Генриха отступила на несколько шагов, дабы не иметь возможности случайно заглянуть в письма. Король принялся их читать. Клеман, видя, что тот отвлёкся, выхватил из-за пазухи стилет и вонзил его Генриху в живот, распоров до груди. Охрана же как будто ничего не замечала. Король вдруг начал оседать, и не упал, лишь опёршись о стоявший рядом стул. Он пришёл в себя и вскричал: «Убил!.. Этот подлый монах убил меня! Убейте же его!..», после чего у Генриха достало сил вытащить из раны стилет и ткнуть им в голову Клемана, который оцепенел от происходящего. Стилет рассёк монаху бровь и лоб. Тогда он очнулся и с лицом, заливаемым кровью, бросился к выходу из зала.

Генрих с ужасом взирал на свою рану, сочившуюся кровью, и вывалившиеся из распоротого живота внутренности, и стонал от ужасной боли. Он присел на стул, но не удержался и тут же упал на пол. Однако он успел увидеть, как два его телохранителя пронзили шпагами монаха—убийцу, так и не добравшего до дверей.

Генриха бережно отнесли на кровать, и королевские лекари зашили ему живот. Но проклятие делало своё дело. Той же ночью в муках король скончался, объявив наследником трона Франции Генриха Наваррского.

Так стилет с головой змеи стал орудием папского проклятья.

Новый владелец стилета барон Феликс Лесков отказывается публично демонстрировать оружие баснословной исторической и художественной ценности».

Оказывается, мой скучный дядюшка Феликс способен меня поразить. Я поймал себя на том, что стою, как вкопанный, у Александрийского столпа. Этому репортёру далеко до графа Толстого, но писать жуткие истории, как Эдгар По, он горазд.

Порыв ветра тащил по мостовой какую-то бумажку, и я отправился вслед за ней по направлению к Александровскому саду, засунув газету в карман сюртука. Впечатлённый только что прочитанной статьёй, я размышлял, отразилась ли «баснословная ценность оружия» на состоянии дядюшки или нет. Несложно догадаться, что такую драгоценную вещь я никогда не получу в наследство.

Для молодости нет неразрешимых проблем, поэтому мне подумалось, что в скором времени я узнаю, чем мне грозит «игрушка барона Лескова». У фонтана, обдававшего гуляющих свежестью, как всегда толпились барышни, дети с боннами, и играл военный оркестр. Я взял темп трогательного военного марша и довольно быстро добрался до Сенатской площади. Вдоль Адмиралтейского бульвара, как вы знаете, стоят киоски, торгующие пряниками, молоком и лимонадом. Там я и заметил милую цветочницу.

Должен признаться, что я профессионально хожу в гости. Денег для житья в столице, как правило, не хватает, поэтому расширяя свои знакомства, можно и вкусно поесть, и порадовать окружающих умением танцевать, играть на гитаре или составить партию в бридж. Два главных правила гостя: приятно выглядеть и приятно пахнуть. Со вторым правилом я блестяще справился у Поля Дайена. Первое правило обязывало меня купить цветок в петлицу и почистить обувь. Туфли мне начистил до солнечных зайчиков один старик с малороссийскими унылыми усами, сидящий недалеко от фонтана. А из многочисленных цветочниц я всегда стараюсь выбирать самую симпатичную.

— Откуда ты, прекрасное дитя? — спросил я юную особу.

— Не шутите, барин, — улыбнулась она, опуская глаза, но не забывая постреливать ими исподтишка.

— Дай-ка мне анютиных глазок в петлицу. Тебя не Аня зовут?..

— Конечно нет, барин. Я — Варвара, — и она приподнялась на цыпочки, чтобы вставить мне цветок в петлицу.

О, как мне дороги такие мгновения! Я чувствовал тепло девичьего тела и запах цветов. Кажется, я дал ей даже больше денег, чем следовало...

Визит

Когда я стану богат и независим, прихожая в моём доме будет не меньше, чем у дяди Феликса. В доме Лесковых меня встретил Ерофей, дворецкий Лесковых. Он почтительно поприветствовал меня так, что его рыжие бакенбарды, похожие на клыки моржа, упёрлись в парадную ливрею.

Елизавета Кондратьевна любит иностранные слова, и посему прихожая зовётся по-английски «холл». Дядюшкина жена любовно обустроила холл огромным зеркалом, лосиными рогами, вместо вешалок в гардеробе, двумя кадками с небольшими деревьями и плетёными корзинами для зонтов и тростей. Я вставил свой любимый зонтик в одну из корзин, туда же засунул газету с шедевром пера и повесил котелок на чей-то бывший рог.

Почти сразу появилась хозяйка – дама, приятная во всех отношениях. Её рыжие волосы, собранные в высокую причёску, притягивали взгляд. Что-то детское в открытом, улыбающемся лице делало её моложе своих двадцати шести лет. Сегодня она была в пышном лиловом платье с оборками, большим бантом на турнюре и аппетитным декольте. Я всегда с удовольствием смотрю на неё и думаю, что в этом браке дядюшка не промахнулся. Она проворковала слова приветствия, дала мне поцеловать ручку и, когда я наклонился, громко прошептала:

– Феликс привёз стилет, которым убили Генриха Французского!

Я выпрямился: она смотрела на меня круглыми глазами, сияя восторженной улыбкой.

– О! — вымолвил я, вложив в эту букву изумление и радость. Я не мог лишиться свою тётю удовольствия поразить меня до потери речи. Она насладились произведённым эффектом и повела меня в гостиную, шурша юбками и оставляя за собой аромат жасмина.

Чтобы гости ненароком не заскучили, Елизавета Кондратьевна старается придерживаться плана даже в мелочах. В этом они схожи с дядей Феликсом с той только разницей, что дядя планирует доходы, а жена его – развлечения и расходы. Порядок дня был таков: сперва обед порадует гостей и домашних, а дядюшка в застольной речи расскажет о своём сокровище—стилете. Затем реликвия будет продемонстрирована публике. В заключение члены семьи узнают, что Феликс Петрович задумал оставить им в завещании, переговорив с каждым лично в своём кабинете.

Хотя я несколько не опоздал, веселье было в полном разгаре. Желая придать благородному собранию домашние черты, Елизавета Кондратьевна исключила из плана торжественные выходы камердинера Ерофея с патетически произнесёнными званиями гостей, вроде «Женераль Тюфяков с супругою и детьми!» и тому подобное. Мы вошли в гостиную, и она тут же оставила меня, приободлив словами, что я уже взрослый мальчик.

Я не стал спорить и направился к парочке, сидящей у рояля. За инструментом сидела моя кузина Ирина и что-то рассеянно играла. Рядом с ней пытался сыпать комплиментами Егор Федотыч Кудасов – крупный чиновник полиции. Этому странному знакомству наша семья была обязана дядюшке Феликсу, который считал, что состоятельному человеку полезно иметь в друзьях кого-то из полицейского управления. Егор Федотыч умел вести себя в обществе, но я всегда считал его себе на уме. Ирина была чем-то сильно расстроена, — я заметил это по сосредоточенному взгляду и слегка невежливому игнорированию комплиментов Кудасова. Она улыбнулась мне на мгновение, но не прекратила играть. Я уж было думал, что она играет пьесу под названием «Чижик-пыжик заболел», однако на пюпитре стояли ноты «Польки-пиццикато» Штрауса.

Егор Федотыч горячо пожал мне руку, улыбаясь в пышные усы. Все знали, что усы Кудасова – предмет его гордости: такие же пышные, как у Бисмарка, но завитые по-русски

колечками. Кажется, равнодушие Ирины его ничуть не обескуражило. Я подозреваю, что под крылом рояля он пытался избежать общения со своей женой.

У окна стояли мой кузен Игорь и супруга полицейского чиновника – Амалия Борисовна. Это была замечательная в своём роде женщина. Женщина—настроение. Если она приходила на «дивертисмент», как говорит Екатерина Кондратьевна, или – попросту – для развлечения, вся энергия её была направлена на то, чтобы получить удовольствие. Она лучилась улыбками и смеялась по поводу и без. Видел я её и в день похорон первой дядиной жены: это было воплощение скорби. Её рыдания стали фоном для всего печального действия. Сегодня её радость обрушилась на Игоря, поскольку благоразумный муж сбежал к Ирине и к роялю. Мы знали, что Егор Федотыч взял в жёны Амалию Борисовну не за красивые глаза: глаза у неё были чуть навывкате, рот и зубы – крупноваты, фигура отсутствовала, но было неоспоримое достоинство – приданое. В наш век довольно часто достоинство это важнее любви.

Кузен терпел восторг собеседницы только из-за хорошего воспитания, но и оно быстро сдавало позиции под натиском госпожи Кудасовой. Игорь смотрел в окно, боясь встречаться глазами с Амалией Борисовной. Заметив моё появление, он обрадовался возможности спихнуть на меня весёлую гостью.

– Мой бедный брат Михаил! — подтолкнул он меня навстречу Амалии Борисовне, продолжая трясти мою руку, чтоб я ненароком не сбежал. Вообще-то, кузен Игорь – неплохой человек, но, встречая меня, он сыплет колкостями и шутками в мой адрес. Я не даю себя в обиду, однако братское, как он полагает, подтрунивание уже вошло в его привычку. — Давно ли мы видели его вот таким? — показал он полметра от пола.

Я видел, что Амалия Борисовна уже готова излить свою радость на меня и, галантно кланяясь, парировал:

– Да, я немного вырос с нашей последней встречи. Прошу извинить: я должен поздороваться с гостями, — и оставил Игоря наедине с судьбой.

Правда и он не терялся, и с криком: «Ирина, сыграй же наконец мазурку, а не похоронный марш!» бросил свою даму и проворно спрятался за рояль, перебирая ноты. Амалия Борисовна, решив, что веселье набирает градус, устремила за ним.

На красной оттоманке с кривыми барочными ножками я застал лучшую подругу Елизаветы Кондратьевны — mademoiselle Кати Бенуа. Кати – давняя знакомая семьи Лесковых. Ей оказывал покровительство в делах сам Феликс Петрович, который, насколько я знаю, предпочитает вести дела с мужчинами. М—lle Бенуа возглавляет модный дом «Брюссель», весьма популярный среди петербургского света, особенно среди состоятельных дам. А начала она свою головокружительную карьеру простой модисткой.

Кати всегда ярко и модно одета. Не секрет, что таким образом она рекламирует наряды своего модного дома. Сегодня на ней было алое шёлковое платье с белыми фестонами и весьма нарочитым турнюрком, а белый волнистый воротничок многозначительно уходил в глубокое декольте. Даже втайне завидовавшие дамы признавали, что Кати Бенуа, не обладая совершенной внешностью, обладает тайной женственности. Мужская половина света была с этим согласна, и я в их числе.

Я поцеловал Кати руку, а она заглянула мне в душу своими карими глазами.

– Любезная Кати, цвет вашего платья напоминает мне весенний восход! — тут надо отметить, что наша законодательница мод запрещает называть себя по имени—отчеству.

Она ответила мне глубоким контральто:

– Вы были бы великолепны, Мишель, если б не разбрасывались комплиментами. Впрочем, барышням только этого и надо.

Вот так она поставила меня на место. Интересно, отчего она не выходит замуж? Ищет ли мужа по уму или по деньгам? Правда и у m—lle Бенуа был недостаток: неблагород-

ное происхождение. Я знаю, что в наше время на это смотрят не так уж строго, и даже графы иногда ухитряются связать свою жизнь с балериной. Но предрассудки ещё никто не отменял: многие браки расстроились из-за протеста родных.

Завидное общество этой дамы с удовольствием разделял уже знакомый мне Иван Сергеевич Веригин. Этот крупный, полный мужчина из-за своих усов и круглого лица напоминал мне известный портрет Бальзака. Не знаю, насколько был деятелен Бальзак, но Веригин славился неторопливостью и основательностью. С дядей Феликсом он сошёлся потому, что занимался коллекционированием холодного оружия. Дядя, что ни говори, был новичком в этом деле. В его коллекции было штук шесть стилетов, но большой ценности они, в сравнении с коллекцией Веригина, не представляли. Другое дело – стилет, которым был убит Генрих III. Тут дядя обскакал Ивана Сергеевича: подобной редкости у него никогда не было.

Веригин встал и душевно сжал мне руку обеими руками. При этом он так тепло улыбался, что сходство с добрым Бальзаком было необыкновенное. Сегодня все так были рады моему приходу, что я стал побаиваться, не кроется ли здесь подвох. Предчувствия меня не обманули.

Появление Льва

Моя вторая тётя, без сомнения, знала, как добавить оживления в раут. Она с хитрой улыбкой подплыла ко мне и легонько потащила за локоть:

– Пойдёмте, Мишель, я представлю вас замечательному знатоку древностей.

Только при встрече я понял, какого она ожидала эффекта, и отчего некоторые гости улыбались, поглядывая на нас.

Елизавета Кондратьевна подвела меня к высокому, крепко сбитому лощёному господину. На вид ему было лет тридцать, но я мог и ошибиться: рассекающая бороду вертикальная полоска седины делала его старше своих лет. Коварные улыбки доброхотов сейчас же стали мне понятны: в петлице его смокинга красовался цветок анютиных глазок. Точно такого сине—жёлтого колера, как и в петлице моего костюма.

– Михаил Иванович Гальский – племянник Феликса Петровича. — Тётя наслаждалась ситуацией.

Я поклонился, тщетно придумывая выход из конфуза.

– Лев Николаевич Измайлов — наш хороший знакомый, интересующийся редким оружием, и обладатель дюжины талантов. — Господин, ничуть не смущаясь, поклонился в ответ и улыбнулся.

Лиса Елизавета испытующе разглядывала нас обоих.

Я решил брать быка за рога, а затем спросить быка, как он себя чувствует:

– Похоже, что нас околдовала одна и та же цветочница...

Он ответил мне широкой улыбкой, отчего у глаз появились лучики—морщины:

– Похоже, что мы оба в ордене поклонников анютиных глазок. Мне кажется, что в нашей Анюте есть что-то от Дульсины.

– Чудесно, господа! — Елизавета похлопала нам, невзначай продемонстрировав собравшимся изящные руки в длинных лиловых перчатках. — А теперь: прошу всех в столовую! Прощу—прошу!.. — приговаривала она, маня гостей высоко поднятой рукой.

Дядя Феликс со своей молодой женой замыслили этот обед, как триумф. И, надо признать, им это удалось. Хозяин дома встречал благодарную публику во главе стола. Гости радушно здоровались с ним, он что-то отвечал, но было ясно, что всё внимание присутствующих занимает футляр из красного дерева, лежащий по правую руку от триумфатора.

Феликс Петрович Лесков выглядел, как на параде: сухощавый старик в чёрном костюме и чёрном галстуке — он стоял очень прямо, хотя и не был офицером, как мой отец. Пробор посередине его светлых редких волос поблёскивал так же, как и его пенсне на тонком шнурке. Кончики длинных усов располагались точно параллельно полу.

Как вы догадались, вместе со мной было шестеро гостей, и я из природной скромности и с расчётом подчеркнуть родство замыкал шествие приветствующих цезаря.

– Рад вас видеть в добром здравии, дядюшка! — воскликнул я, протягивая руку, и ничуть не покривив душой.

– Молодец, молодец, что пришёл! — отозвался он своим низким голосом и, похлопывая меня по плечу, неожиданно наклонился и коснулся щекой моей щеки. Это было поразительно для моего скупого на чувства дяди, и мне показалось, что родственные узы кое-что для него значат.

Теперь мне удалось вблизи рассмотреть футляр, в котором, несомненно, прятался стилет. Изящная вещица вишнёвого цвета с прямыми рёбрами крышки и лёгким изгибом основания опиралась на стол четырьмя золотыми лапками. Прихотливо скрученная стальная ручка крепилась к крышке двумя золотистыми шариками. Накладка замочной скважины

также была отделана позолотой. Своей щедрой основательностью футляр произвёл на меня благоприятное впечатление и напомнил по форме вытянутый ковчег.

Дядюшка поймал мой взгляд, положил на футляр сморщенную руку и посмотрел на меня с многозначительной улыбкой. Это была его добыча, его миг торжества.

Дам сегодня не хватало. Четыре против шести. Именно поэтому я и Лев Николаевич оказались за столом рядом. Слева от меня сидела Ирина, чему я обрадовался, поскольку не хотел пикироваться с моим дорогим кузеном Игорем. Он добр ко мне tête—à—tête, но невыносим на людях.

Я положил себе три вида разноцветных салатов, три вида закусок, прислушиваясь к разговорам и потягивая аперитив «Габриэль». Ирина почти ничего не ела, и я размышлял, что же у них с дядей стряслось. Её светло—зелёное платье с пышными рукавами и белым жабо, казалось, подчёркивало бледность лица, обрамлённого русыми волосами. Она была всего лишь на год старше меня, и я искренне ей сочувствовал. Сегодня я не встретил дядиного секретаря — Александра Ланге, а ведь его всегда приглашали на семейные торжества. Отсюда я сделал вывод, что либо Ланге себя плохо чувствует, либо что-то плохое чувствует к нему дядюшка. Последняя догадка была вернее, и я не решился задать Ирине вопрос об этом. Пустое кресло в конце стола словно намекало, что кого-то не хватает...

Неожиданно Лев Николаевич обратился ко мне:

— Я вижу, вы голодны, — произнёс он тихо.

Мне было неприятно, что он проник в мою тайну: с утра я действительно, ничего, кроме пирожного, не ел.

— У дяди неплохо кормят, — отозвался я. — И поят.

— Да-да, неплохо, — он просиял мне открытой улыбкой. — Отлично!

Но я вдруг разозлился:

— И проявляют такт по отношению к гостям!

Измайлов вынул из петлицы цветок и положил на стол. Меня этот поступок удивил и почему-то успокоил.

— Я не хотел вас задеть, — с сожалением в голосе сказал Измайлов. — Моя беда и достоинство в том, что я многое подмечаю. Прежде этого требовала моя профессия, а теперь это вошло в привычку. Вы знаете старый русский гимн?.. И, не дожидаясь ответа, он тихо запел красивым баритоном:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык,
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земли велик

— Лев Николаевич звякнул кончиком вилки по бокалу.

— Меня увлекают былинки жизни, — заявил он и обезоруживающе улыбнулся.

Я вдруг почувствовал, что ранее никогда не встречал такого необычного и занимательного человека. И решил спросить, что ж за профессия у него была?

Приключения дяди Феликса

В этот момент дядюшка торжественно встал и, в свою очередь, требовательно постучал лезвием ножа по графину с клюквенной, дабы привлечь внимание почтенного собрания. Далее он поведал историю, которая поразила меня до глубины души.

Мой дядя – расчётливый, скуповатый, осторожный в делах и, на мой взгляд, скучноватый человек – ввязался в потрясающую авантюру. Я знал, что толкнуло его на скользкий путь – огромное тщеславие, но не мог предположить, насколько далеко его это заведёт.

Как вам уже известно, дядя на старости лет решил собрать коллекцию стилетов. У него перед глазами был непревзойдённый пример – коллекция его приятеля Ивана Сергеевича Веригина, которая включала в себя кинжалы, ножи, стилеты и кортики. В его собрании находились такие редкости, как византийский короткий меч паразониум, венецианский абордажный меч-пила и кинжал с эмалевой рукояткой работы мастеров Фаберже. В нашей семье все знали, что Феликс Петрович отчаянно завидует Веригину, и относились к этому чувству с пониманием. Иван Сергеевич же был настолько уверен, что недостижим для единомышленника, что по русской доброте душевной подсказал, где во Франции можно найти превосходного продавца холодного оружия.

Здесь надо объяснить, что дядюшка каждый год ездит в Париж на выставку производителей тканей и материалов для одежды. Иногда ему удаётся заключить контракт на продажу сукна, а иногда он сам приобретает образцы ткани или рисунка. Важно, что на парижской выставке всегда крутятся репортёры из знаменитых модных журналов «Иллюстрированная Мода» и «Маленькое эхо моды», и ваш шёлк или фетр могут прогреметь на весь цивилизованный мир.

Одно можно сказать совершенно точно: за восемь июльских дней мой родственник—авантюрист пережил столько, сколько не случилось за всю его сознательную жизнь. Однако, услышим всё из первых уст...

— Мои дорогие родные и верные соратники! — вот так браво мой дядя начал речь. — Две недели назад я отправился на парижскую ежегодную выставку «Les tissus du monde», или «Мир тканей», по делам. Да-да, — по делам, и по дороге туда меня сопровождала наша милая mademoiselle Кати. (Тут дядя слегка поклонился в сторону Кати, сидящей слева от него). В первые два дня я занимался исключительно работой, а на третий день мне удалось выкроить время, чтобы встретиться с одним из самых знаменитых продавцов оружия в мире – Эженом Тибо. Его порекомендовал мне любезный Иван Сергеевич (вежливый поклон вправо).

Тибо – прелюбопытный экземпляр французской галантности и лвиной коммерческой хватки. На вид он – толстенький, коротконогий, в натянутом на животе смокинге. Сперва произвёл на меня прекомичное впечатление, но потом я понял, насколько он хорош в своём деле. Он обрадовал меня сообщением, что одновременно с нашей выставкой в Париже проходил международный аукцион, где на торги выставлялось и оружие. Но даже не это – главное! Буквально накануне в Отеле Друо, где обычно проходят аукционы, он встретил молодого Анри де Рогана – наследника герцогов Монбазонских.

Де Роган вместе с титулом получил в наследство и значительный капитал, и земли с поместьями, и много ценных вещей, доставшихся от высокопоставленных предков. Один из них, Эркуль де Роган, граф де Рошфор, был приближённым двух Генрихов, погибших от рук религиозных фанатиков в XVII веке. (В этом месте Елизавета Кондратьевна попросила дядю пощадить чувства дам и не рассказывать жутких деталей, касающихся убийств. Феликс Петрович так горячо пообещал выполнить её просьбу, что стало видно, как замечание жены разожгло его ораторский пыл. Дядя тут же в лицах превосходно изобразил извест-

ную мне из газеты историю убийства Генриха III. Как актёр он был великолепен: два раза сумел вызвать жалобные стоны Елизаветы Кондратьевны и три раза возгласы потрясения Амалии Борисовны.).

Итак: Эркюль де Роган, потрясённый чудовищным убийством своего короля, решил в память о нём оставить у себя стилет, побывавший в теле Генриха. Нам, цивилизованным людям, подобная выходка показалась бы странной. Да-да, «странный» – не то слово, — ужасной! Однако, что мы можем требовать от жестоких современников кровавого века?.. (Дядюшка патетически потряс руками).

Стилет переходил из поколения в поколение и, в конце концов, очутился у Анри де Рогана. Анри не собирался продавать стилет до тех пор, пока у него не случились неприятности с содержанием довольно обветшавших замков и поместий. И тогда он задумал избавиться от реликвии. Оказалось, что неизвестные люди несколько раз предлагали ему купить стилет за любые деньги, однако де Рогану они показались подозрительными и неприятными, из-за чего всё время приходилось быть настороже. Вскоре после получения огромного наследства молодой человек нанял охрану и перевёз стилет из фамильного замка в ячейку сейфа «Банк де Франс».

Анри не случайно оказался в аукционном доме Друо: проверенные люди подсказали ему, что именно там легче всего встретить известного нам Эжена Тибо, чтобы тот помог продать драгоценную вещь за хорошую цену. Уже на следующий день после знаменательной встречи на аукционе Эжен познакомился со мной. Мы провели прекрасный вечер в «Максиме», и он, близко зная мсье Веригина, решил помочь его другу «почти бескорыстно», как он выразился.

Тибо, как честный человек, предупредил меня, что сделка связана с большой опасностью, но я в первый раз за многие годы почувствовал, что владеть роковым стилетом с изумрудами – мечта всей моей жизни. Эжен сказал, что знает, кто может помочь мне вывезти реликвию в Россию. Это – русский, которого, кстати, знает и мсье Веригин, и он сейчас в Париже.

– Отгадайте, кто же был этот таинственный русский, защитник путешественников, искателей приключений и купцов?.. — дядя оглядел сидящих за столом с хитрой улыбкой на торжествующем лице. Все скромно промолчали. Тогда он выбросил вперёд правую руку, как это делает дирижёр, обращаясь к литаврам, и объявил:

– Да-да: Лев Николаевич Измайлов!

Шпионские страсти

Лев Николаевич встал, раскланялся и взял нить повествования в свои руки.

— Дамы и господа. Я должен открыть вам, что прежде, будучи гвардейским офицером, служил по разведочной части. Подав прошение об отставке, я иногда оказывал услуги необычного свойства тем, кто в них нуждался. К примеру, мсье Тибо знает меня, как изобретательного и надёжного помощника в некоторых щекотливых делах.

— Да-да! — высказался с места дядя, — именно — изобретательного!

Измайлов улыбнулся, поблагодарил кивком и продолжал. Его персона буквально привлекала внимание общества.

— Благодаря Эжену, я встретился с участниками сделки и обсудил с каждым его действия: ведь от этого зависел успех всего предприятия. Феликсу Петровичу я посоветовал отправиться в Швейцарию, в Базель, сославшись на то, что необходимо срочно поправить здоровье. Там, устроившись в клинике, он должен был изображать примерного больного и найти себе надёжную охрану, чтобы без приключений вернуться в Россию со своим приобретением.

Гораздо сложнее было вывезти стилет из Франции. Де Роган не случайно боялся покушения на принадлежавшую ему реликвию: впоследствии мы нашли неопровержимое подтверждение их преступным замыслам. Итак, я сделал вид, что Анри пригласил меня погостить у него дома: перевёз для отвода глаз кое-какие вещи, и один вечер мы провели вдвоём, гуляя по беспечному Парижу. На следующий день нам надо было проверить, есть ли слежка за де Роганом. В «Банк де Франс» мы пошли поодиночке, но встретились там в условленное время. Анри обратился к одному из клерков с просьбой навестить арендованную ячейку в банковском хранилище, а я следил, кто проявит к этой процедуре интерес. Это было легко сделать: в «Банк де Франс» у меня есть небольшой счёт, и я просто сидел в общей зале, делая вид, что заполняю какие-то бумаги. Рыбка попалась в наши сети: сразу после того, как банковский служащий и Анри отправились в хранилище, старший клерк подошёл к парню, который обслуживал де Рогана, и что-то у него спросил. Затем он куда-то вышел: я подозреваю, что в этот момент он и передал через посыльного, что хозяин проявил интерес к хранящемуся в банке стилету. Было видно, что вернувшийся старший клерк заметно нервничает, — он ходил туда-сюда за спинами подчинённых и поглядывал на дверь, в которую ушёл Анри. Вскоре я заметил в общем зале человека, который, как и я, пытался сделать вид, что чего-то ждёт, но не обращался в банковские окошки. В конце концов, Анри вернулся и вышел из банка. Старший клерк проследил, какую запись сделал сопровождавший в журнале, и в ответ на взгляд шпиона, как я его называл, покачал головой.

Стало абсолютно ясно, что старший клерк состоит в сговоре с охотниками за стилетом. Поэтому я ненадолго уехал из Парижа, а затем вернулся с чемоданом. В этот чемодан Анри положил необходимые для грядущего путешествия вещи, а я сделал вид, что съезжаю, и оставил поклажу в камере хранения Восточного вокзала. Тогда же я приобрёл два билета на поезд «Париж — Базель», и почти все приготовления были закончены.

На следующее утро Анри де Роган сыграл роль несчастного, страдающего зубной болью. К сожалению, мне не довелось при этом присутствовать, но позднее, в поезде, он уморительно рассказал о своих мнимых страданиях. Недалеко от банка у моего знакомого дантиста есть дом, где он живёт и принимает больных. Обычно я обращаюсь к нему за помощью в таких вот необычных случаях.

Когда мы встретились в доме дантиста, де Роган выглядел прекомично: он обвязал большим платком голову и старательно изображал мучения от боли. Если кто и следил за ним, вряд ли остались бы сомнения в причинах визита к доктору.

Я в это время был уже в «Банк де Франс». В день первого посещения банка я заметил время, когда старший клерк уходит на обед, и в этот раз просто дождался, когда наш противник покинет рабочее место. Поймав на улице посыльного, я отправил его к дантисту. Получив известие, Анри снял с головы платок, переделся в мой плащ и вышел на улицу вместе с одним из посетителей. Через пять минут он уже входил в здание банка.

Поход в хранилище занял около двенадцати минут, в то время как я, сильно волнуясь, поджидал возвращения де Рогана. К подкладке плаща по моему заказу пришили большой внутренний карман, куда и был спрятан футляр со стилетом. Пока Анри прощался со служащим банка, я выскочил на улицу и поймал коляску. Мы уселись туда вдвоём, и поскакали во весь опор. Как вы знаете, домик дантиста стоит недалеко от банка, поэтому через несколько минут мы уже дали извозчику хорошие чаевые и отпустили на все четыре стороны.

Мы подъехали к дому с другой улицы; в этом его прелесть – второй непарадный выход. Однако я и тут подстраховался: мой приятель—доктор приготовил нам крытую коляску с другим кучером. Мы пересели в неё и отправились напрямик на Восточный вокзал. Я оглядывался на протяжении всего пути, но нас никто не преследовал.

Швейцарский транзит

Дальше была долгая дорога до Базеля; нас никто не беспокоил, кроме пограничных патрулей. Чтобы не раскрывать целей нашего путешествия, я решил пойти на хитрость. Как вы помните, до нашего спешного отъезда мне пришлось ненадолго покинуть де Рогана: я побывал в Германии, чтобы купить там погребальную урну.

— Урну? — переспросил в этом месте удивлённый Веригин. — Вы говорите о сосуде, куда помещают прах сожжённого мёртвого тела?..

Вдоль обеденного стола прокатилась волна восклицаний. Больше всех были поражены Елизавета Кондратьевна и госпожа Кудасова: последняя даже рот открыла от изумления. Сказать честно, я и сам был сильно обескуражен. Только Ирину по-прежнему терзали какие-то переживания. Дядюшка же, по-видимому, воспринимал происходящее, как замечательно придуманный анекдот — он один улыбался.

— Да, — откликнулся Измайлов, ничуть не смущаясь, — эта урна выглядит почти как античная амфора, только сделана из металла. Я приношу извинения дамам за столь странную тему разговора, но иначе вы не поймёте, в чём состоял мой замысел. Сейчас в протестантских странах официально разрешено сожжение мёртвых тел, и в этом есть разумное зерно: во-первых, чтобы предотвратить инфекцию, если покойник умер от заразной болезни, а во-вторых, чтобы похоронить человека, умершего вдали от родины. Процесс сожжения в специальных печах называется кремацией, и такие печи сейчас есть в Англии, Америке и Германии.

— А что вы хотели от этих нечестивцев?! — выкрикнул верноподданный Егор Федотыч Кудасов под тревожный гул общества.

Измайлов продолжил:

— Русская православная и католическая церковь выступают против такого вида погребения, но нам важно то, что в Германии мне удалось приобрести погребальную урну с секретом. Металлическая амфора имела две закручивающиеся крышки — сверху и снизу. В неё мы и поместили футляр со стилетом.

— Если бы я поместил деревянный футляр в амфору, — рассудил Веригин, — он бы болтался внутри и гроыхал...

— Мы засыпали в урну пепел по самое горлышко: он заполняет свободное место и гасит любые звуки.

— Вы насыпали настоящий пепел? — удивился Игорь так, что даже отставил бокал.

— Конечно, настоящий, — улыбнулся Лев Николаевич. — Настоящий древесный пепел и золу. Если бы на границе проявили излишнее рвение и потребовали открыть верхнюю крышку урны, их глазам предстал бы подлинный пепел. Однако, забегая вперёд, скажу, что никто из пограничной стражи не решился заглянуть внутрь — ни во Франции, ни в Швейцарии, ни в Германии, ни в России. Все посчитали это святотатством, на что я и надеялся. В Базеле мы с Анри расположились в гостинице, встретились с Феликсом Петровичем, и на этом я прекращаю дозволенные речи, — Измайлов поклонился и сел.

— Позвольте, — послышался вдруг голос Амалии Борисовны, — а это не контрабанда?

— Конечно, нет, Амалия, — раздражённо обернулся к ней Кудасов, — Ведь, Феликс Петрович приобрёл стилет не для продажи, а для коллекции.

— А-а-а, — понимающе протянула госпожа Кудасова. Присутствующие поняли, что подобное объяснение может удовлетворить только её, но благоразумно промолчали.

— Я не буду вставать, хорошо? — подал голос дядюшка. — Старость, знаете ли — не в радость. Сейчас я хочу поблагодарить ещё одного гостя — Егора Федотыча Кудасова, без которого бы наше приключение не удалось. (Полицейский чиновник живо вскочил со своего

места, поклонился, щёлкнув каблуками, и тут же сел рядом со своей бесконечно изумлённой женой).

Егор Федотыч прислал мне для охраны двух молодцов – опытных и вышколенных. Агентов первого разряда, да. Один из них исполнял роль моего слуги, а другой – личного санитаря. Я делал вид, что не всегда могу передвигаться самостоятельно, и мнимый санитар катал меня в коляске.

В оговоренный день я сказал в клинике, что желаю осмотреть Базельский кафедральный собор, и встретился с де Роганом, Львом Николаевичем и одним базельским ювелиром. Затем мы отправились в отделение банка «Швейцарский кредит» и арендовали специальную комнату для переговоров. Ювелир подтвердил, что изумруды на стилете подлинные, а серебро, которым отделано оружие и сталь – превосходного качества. В банке у меня уже был открыт счёт, и я расплатился с де Роганом. Здесь же нам помогли оформить официальную купчую на стилет, не спрашивая о его происхождении. В случае обнаружения реликвии где-нибудь на границе, всё выглядело бы как продажа дорогой безделушки.

Из «Швейцарского кредита» мы вместе с охраной и Львом Николаевичем отправились в клинику, где заявили, что во время осмотра собора мне стало плохо, поэтому я срочно возвращаюсь на родину. Билеты на поезд были куплены заранее.

Один из охранников постоянно находился в моём купе, а другой ехал вместе со Львом Николаевичем в соседнем. Чтобы спать по очереди, они менялись, так что по дороге домой ничего не случилось. Те, кто выслеживал Анри де Рогана, видимо, потеряли его во Франции, и я даже был слегка разочарован отсутствием происшествий. (Говоря это, дядя улыбался, так что всем стало понятно, что он шутит.)

– Но ведь тебе могла угрожать опасность, — воскликнула Елизавета Кондратьевна, прижав руку к своей прекрасной груди.

– Могла, — заявил довольный дядя, — но, благодаря моим друзьям, мы эту опасность победили.

Я думаю, что в этом торжественном месте очень бы пригодился полковой оркестр, но из-за отсутствия места за столом, мы скромно искупали победителей в овациях. Особенно старалась Амалия Борисовна: её пухлые ручки шлёпали друг о друга громче всех. Злые языки сказали бы, что она хотела обратить внимание на своё пунцовое с пышными кружевами платье, но уверяю вас, что это – наветы завистников.

Когда отгремели аплодисменты, неожиданно раздался голос mademoiselle Кати:

– Феликс Петрович, а где сейчас находится погребальная урна?..

– В моём кабинете, конечно, — отозвался счастливый дядюшка. — А сейчас – приступим.

Ода стилету

Все невольно притихли, когда дядя, не торопясь, достал из кармана жилетки ключи на чёрном шнурке и открыл футляр. Затем он встал и церемонно протянул стилет двумя руками Веригину, сидящему справа от него:

– Иван Сергеевич лучше всех расскажет о моём приобретении.

Веригин взял стилет за рукоятку одними пальцами остриём вниз: в таком положении были видны все детали. Я заметил, что и сам коллекционер помолодел прямо на глазах, — он был очарован оружием. Речь его была образной, но временами — жутковатой: наверное, так в анатомическом театре читают лекцию хирурги.

– Сознаюсь, что вижу перед собой не только ценную историческую вещь, но и настоящее произведение искусства. Феликс Петрович рассказал, что Анри де Роган предлагал ему купить ещё и доказательство подлинности стилета, а именно — письмо Эркюля де Рогана, графа Рошфора, своему сыну Людовику, где и объясняется, для чего граф решил сохранить этот странный сувенир. Причём Анри потребовал за фамильный документ несоразмерную цену. Посоветовавшись с Тибо и Львом Николаевичем, они вместе пришли к выводу, что сама покупка стилета у потомка герцога Монбазонского, заверенная швейцарским стряпчим, подтверждает его подлинность. Я считаю, что это было самым разумным решением. Многие детали подтверждают, что я держу в руке то самое оружие, которым был заколот Генрих III.

Возможно, вы читали о стилете не только в романтических итальянских и испанских сагах о доблестных кабальеро и безжалостных разбойниках. К сожалению, лет десять назад шефа жандармов Мезенцева заколол стилетом молодой щелкопёр из банды террористов «Земля и Воля». Он бежал за границу и там написал свой «шедевр» о кровавой мести за смерть такого же бандита, как он сам.

Как мы уже знаем, монах—убийца пронёс оружие под рясой. Именно поэтому отсутствуют оригинальные ножны. О том, что они существовали, нам говорит небольшая неровность—защёлка. По этой же самой причине значительно позже по приказу Эркюля де Рогана был сделан футляр для стилета. Отдадим справедливость французам: его формы изысканны и не лишены изящества. Вишнёвый цвет сандалового дерева перекликается с тёмно-красным бархатом, которым дерево обито изнутри.

Но что же расскажет наш стилет? На первый взгляд, перед нами — классическая четырёхгранка (Веригин покрутил оружие, чтобы мы увидели грани), но — не совсем. Длина клинка невелика — чуть больше шести вершков, но и они достанут до сердца или до лёгкого. Обоюдоострый конец острия: даже смертельная рана не вызовет обильного кровотечения жертвы.

У основания клинка мы видим очень необычную пятку — овальную в разрезе, украшенную насечкой и картушем. Картуш — место, где в прихотливом узоре, имитирующем геральдический щит, золочением выполнена надпись «Sollingen 1580» Это значит, что стилет выкован и отлит в германском городе Золлинген, где до сих пор занимаются производством холодного оружия. В Средние Века гильдия оружейников этого города, благодаря искусству своих мастеров, непрекращающимся европейским войнам и покровительству Мальтийского ордена тамплиеров, сказочно обогатилась.

Обратите внимание: ничто не отделяет клинок от рукояти — нет ни гарды, защищающей руку, ни примитивной крестовины. Так поступали, когда хотели облегчить оружие. А ещё, благодаря этому, вы можете воткнуть орудие убийства как можно глубже. Вероломному злодею гарда ни к чему.

Серебряная рукоять очень точно имитирует верхнюю часть туловища змеи: видны не только чешуйки разного размера, но и бугорки на змеиной шкуре. Несмотря на отсутствие

крестовины, эти бугорки позволяют хозяину крепко держать рукоять в руке во время поражения жертвы.

Змеиная шея под углом повёрнута к зрителю, а голова служит удобным упором, если вы решите загнать стилет поглубже в тело и ударите по ней ладонью.

В этом месте не выдержал даже блаженно внимающий речам дядюшка. Он возмущённо подал голос:

— Иван Сергеевич!..

— Искренне прошу извинить меня, дамы и господа, — я увлёкся, — объяснил Веригин, но всем было ясно, что он ничуть не раскаивается.

— Итак: глаза змеи — это удивительная художественная деталь. Из-под серебряных век прямо на вас смотрят два огромных изумрудных глаза. Изумруды — крупные, великолепно обработанные и поразительной чистоты: такие редко сыщешь даже среди королевских драгоценностей. Из этого я делаю вывод, что камни родом не из Зальцбурга, а из Новой Гранады в Испании.

Оттого что глаза гада несоразмерно велики, взгляд, как вы можете убедиться, оставляет жутковатое впечатление. Однако поверьте моему опыту, даже в неумелых руках, это — очень опасная вещица.

Не могу передать, как я сожалею, что этот стилет достался не мне, однако от всей души поздравляю Феликса Петровича с этим чудом оружейного и ювелирного мастерства.

Здесь Веригин, всё-таки, сорвал аплодисменты. Он вернул стилет дядюшке, и желающие стали по очереди рассматривать диковину. Мужчины обсуждали смертоносные свойства оружия, а дамы — великолепные изумруды и зловещий взгляд змеиной головы.

Представление не обошло и меня. Почувствовав тяжесть клинка в своей руке, я вдруг осознал, что дядя заплатил за своё приключение колоссальные деньги.

Когда любопытство присутствующих было удовлетворено, дядюшка снова взял слово:

— Прошу извинить старика, — сказал он, нежно обнимая футляр с сокровищем. — Сейчас я уединюсь, а вы можете продолжать веселиться. Я побеседую наедине с гостями и расскажу родственникам, что их ожидает в моём завещании.

Разговор по душам

После ухода виновника торжества мной овладела одна, но пламенная страсть: я искренне захотел стать единственным наследником дядюшки. Увы, я понимал, что это невозможно, но никак не мог отбросить заветную мысль. Когда мне показалось, что я взял себя в руки, фантазия принялась рисовать мне картины спокойного достатка в будущем. Логика была категорически против чудных видений: во-первых, дядюшка хронически скуп; во-вторых, в медовых картинах я не видел себя адвокатом, а это противоречило планам моего благодетеля; в-третьих, дядюшка прекрасно себя чувствовал и не собирался умирать.

В конце концов, пришёл и мой черёд навестить кабинет Феликса Петровича. Дворецкий Ерофей – чопорный и величавый, как австрийский полковник, пригласил меня войти и проводил до дверей.

Полный надежд, я вошёл в кабинет дяди. Эта сильно вытянутая комната начиналась широкими двустворчатыми дверями и заканчивалась высоким окном. Вдоль всей левой стены тянулся книжный шкаф от пола до потолка. На противоположной стене висели два неплохих портрета моих деда и бабки по материнской линии, а между ними наш новоиспечённый коллекционер развесил кинжалы и ножи. Там же стоял длинный кожаный диван, на котором хозяин иногда отдыхал в середине дня.

Дядя сидел за столом в пенсне и внимательно рассматривал какой-то документ. Он пригласил меня сесть в кресло напротив, которое стояло совсем рядом с несгораемым шкафом. В этом шкафу хранились ценные бумаги, наличные и, конечно, футляр со знаменитым стилетом, так что посетитель должен был испытывать некоторое волнение, сидя совсем рядом с богатством дома Лесковых.

– Дорогой мой, — ласково начал дядюшка, — у меня есть обязательство перед твоей матерью — дать тебе хорошее образование. Да, как мы уже говорили, ты выучишься на адвоката, будешь помогать в моём деле и, я надеюсь, встанешь на ноги.

Вы не поверите, но он достал из стола счёты и принялся щёлкать костяшками у меня на глазах.

– Пока ты учишься, будешь получать двадцать рублей в месяц, то есть – двести сорок в год минус вакации. Итого – сто восемьдесят рублей в год. За пять лет в университете, ты получишь от меня – ого! — девятьсот рублей.

– Вот это «ого!» — подумал я, огорошенный жадностью родственника. Я понимал, что он не должен меня содержать полностью, но двадцать рублей – это зарплата рабочего. Сегодня оказалось, что дядюшка грохнул кучу денег только на то, чтобы привезти стилет в Россию, а родного человечка он рассчитал, как работника на текстильной фабрике.

– Но ты не переживай, — радостно продолжил старый скупердяй. — Ты – человек молодой, поэтому я округлю эту сумму до тысячи рублей. — Он победно взглянул на меня, ожидая увидеть обожание.

Я криво улыбнулся.

В наследство твоей матери я оставляю ещё одну тысячу рублей.

– Ай, да дядя! Ай, да сукин сын! Десятки тысяч спустить за неделю и оставить родной сестре тысячу...

Я был потрясён, а дядя, как ни в чём не бывало, ждал потока благодарностей и воздаяния своей щедрости.

– Благодарю вас, дядюшка... Весьма, — выдавил я, встал и, ошеломлённый, направился к двери. Несмотря на хорошо подвешенный язык, мне никогда не удавалось поспорить со стариком по-настоящему. Поэтому сейчас я страшно завидовал сестрице Ирине, которая могла пойти против отца, не оглядываясь на последствия.

– Да, и пригласи Веригина, пожалуйста, — слышалось мне в спину.

Я был чертовски зол. Наверное, всё отразилось на моём лице, поскольку Веригин с большим беспокойством выслушал от меня дядину просьбу.

Веселье прерывается

Я не заметил, как Измайлов подошёл ко мне:

– Прошу прощения, вы, кажется, имели неприятный разговор с Феликсом Петровичем.

Не умея лукавить, я ответил довольно резко:

– Я страшно зол на него.

– Это — из-за его жадности, верно?..

– Откуда вы только всё знаете... — меня охватила досада.

– Я же охранял его драгоценную реликвию. Дело в том, что я не хуже Веригина знаю настоящую цену стилета. Благодаря историческому шлейфу, подобная вещь на том же аукционе Друо ушла бы не меньше, чем за семьдесят тысяч рублей на наши деньги. Если бы аукциону предшествовала реклама, стоимость стилета могла взлететь до ста сорока тысяч рублей

После услышанного я, вероятно, выпучил глаза:

– Вы верите в подобную сумму?..

– Я уверен в ней: заезжая во Францию, временами я предлагаю охранные услуги господам, совершающим сделки на крупных аукционах. Именно там я познакомился с Эженом Тибо, — ему я тоже иногда оказывал помощь. Поэтому по роду работы мне необходимо знать аукционные расценки и результаты торгов.

Но дело не в этом. Феликс Петрович купил крайне дорогую вещь. Не буду открывать сумму сделки с де Роганом — это тайна. Но после покупки стилета, предлагая мне плату за услуги, он бился, как лев, чтобы сбить цену.

– И вы...

– Да, мне пришлось слегка уступить. Поверьте, я неплохо узнал вашего дядю во время обсуждения моего вознаграждения. Он даже пытался отказаться от части предосторожностей, чтобы не платить больше.

– Поэтому основные расходы — сделка с де Роганом и оплата поездок по Европе?

– Вы умеете думать, молодой человек.

– А охрана, выделенная господином Кудасовым?

– Уверен, что и Егор Федотыч без разговоров получил только деньги на билеты и обустройство своих агентов, а в цене на саму охрану ему пришлось уступить. Обратите внимание, что, в отличие от Веригина, который ничего в этот раз не получил, кроме предмета для профессиональной зависти, господин Кудасов так и не пошёл беседовать с Феликсом Петровичем в кабинет. Он уверен, что не получит больше ни копейки.

– Но Иван Сергеевич отправился к дядюшке не из-за денег.

– Конечно, нет. Он решил ещё раз взглянуть на сокровище и предмет своих будущих воздыханий, — Измайлов улыбнулся. — Коллекционер — это вид одержимого человека. Не удивлюсь, если он сам предложит за стилет деньги. И снова не удивлюсь, если ваш дядя ему категорически откажет.

Все-таки, Лев Николаевич мне нравился: он объяснял невидимое так, словно сам слышал разговор Веригина с дядей.

– Михаил Иванович, — сказал он, — махните пока на всё рукой и получите удовольствие от сегодняшнего вечера. Я приглашу на танец mademoiselle Кати, а вы — нашу добрую хозяйку Елизавету Кондратьевну. Вон возвращается поскуцневший Веригин — ему мы деликатно оставим тур с Амалией Борисовной, — Измайлов по-мальчишески подмигнул.

Игорь за роялем играл первые такты мазурки, а Егор Федотыч, чтобы не провоцировать супругу на танец, присел рядышком, намереваясь, по-видимому, перелистывать ноты. Ирина сидела в сторонке у окна и временами поглядывала на улицу. Казалось, она кого-то ждала.

Что умел неплохо делать мой брат – так это весело играть танцевальные мелодии. Особенно ему удавались польки и мазурки: он увлечённо хлопал пальцами по клавишам, пока Кудасов с крайне серьёзным видом ждал кивка для переворота нотного листа. В этот вечер я понял, что лучше всех танцует Кати, чуть скромнее – моя тётя. Объятий Амалии Борисовны мне удалось избежать, — она устала после тура со Львом Николаевичем. Ирина не танцевала.

Мы, как раз, переводили дыхание после очередной польки—бабочки, когда дверь гостиной открылась, и в неё как-то боком вбежал Александр Ланге, дядин секретарь. Присутствующих поразило не столько его неожиданное появление, сколько весь его вид, не предвещавший ничего хорошего. Одет он был обычно, даже – по-деловому: чёрный сюртук, чёрные брюки, чёрная в полоску жилетка, но лицо перекосила гримаса страдания и неверия в происходящее.

Дверь во время появления Ланге оглушительно хлопнула, поэтому все смотрели только на него. Он сделал вдох и громко крикнул:

– Феликс Петрович мёртв!

Убийство

Каждый из нас по-разному реагирует на потрясение: кто замирает, кто бледнеет, кто вскрикивает, а кто-то падает в обморок. Ирина так и сделала: она начала медленно падать и ударилась бы об пол, если б её не подхватил вездесущий Измайлов. Я со своим неуёмным характером просто побежал. Это произошло инстинктивно, поэтому и осознание происходящего пришло ко мне уже на бегу. Мною командовали рефлексy: подбежать к двери кабинета, рвануть ручку и...

Я влетел в кабинет первым и остановился, поражённый увиденным.

Дядины ноги судорожно обхватили ножки стула, на котором он сидел, а верхняя часть тщедушного туловища была пришпилена к столу торчащим из спины стилетом. Тем самым стилетом, который он показывал нам с гордостью всего пару часов назад. Малахитовая чернильница из письменного набора опрокинулась, и чернила растеклись блестящей лужею вокруг головы убитого. Правая рука дяди была сильно вытянута вперёд пальцами вверх, словно он просил о чём-то. В целом поза несчастного производила жуткое впечатление.

Тело покойного было повернуто в сторону сейфа. Верхняя дверца несгораемого шкафа оказалась распахнутой, так что я со своего места видел открытую крышку футляра. Нижняя часть сейфа, где хранились ассигнации и ценные бумаги, оставалась запертой. Кто-то ещё вошёл в комнату. Последним в дверях показался Кудасов и взревел, словно командовал смотром войск:

– Всем покинуть помещение!

Стоящие позади меня с ропотом отхлынули в коридор, а я остался стоять, не в силах отвести глаза от страшной картины.

– Михаил Иванович! Вас это сугубо касается! – теперь Кудасов потерял всю свою обходительность и походил на быка в начале корриды.

Я не стал спорить. Я уже всё видел.

Дознание начинается

Все собрались в гостиной, потому что Егор Федотыч Кудасов на правах представителя власти потребовал, чтобы мы находились у него на глазах, дабы тайно не скрыть улики. Не мог их скрыть и стоящий возле дверей дворецкий Ерофей, из австрийского полковника превратившийся в обыкновенного старика.

Возле пришедшей в себя Ирины сидел Александр Ланге и что-то тихо ей говорил. Искренне страдающую Елизавету Кондратьевну утешала словами и нюхательной солью Кати. Недостаток внимания испытывала только Амалия Борисовна: Егор Федотыч был слишком занят расследованием, а остальные не обращали внимания на её редкие, но выразительные вздохи.

Кудасов первым делом отправил дворника в ближайший участок. Довольно быстро стало ясно, что у кухарки и слуг было общее алиби, ибо после обеда со всем справлялся один Ерофей. Пока господа наверху танцевали танцы и навещали в кабинете покойного хозяина, слуги на кухне пили чай и развлекали друг друга болтовнёй. Далее подозрительный Кудасов решил, что преданный дяде буквально до гроба дворецкий не мог быть убийцей. Он обыскал Ерофея и отправил его встречать полицейских. Те прибыли быстро.

Наш гений сыска оставил вместо себя в гостиной полицейские чины, объявив, что «отправляется для осмотра места преступления». Он получил одобрительный кивок Амалии Борисовны и удалился.

Не знаю, какие мысли пришли ему в голову, пока он глядел на мёртвого дядюшку, но по возвращении Кудасов отдал приказ арестовать Ланге.

Я боялся, что Ирина опять упадёт в обморок, однако с ней произошла какая-то перемена, и она нахмурилась, но стойко перенесла новый удар. Ей дали попрощаться с Александром, и тот несколько раз повторил, что ни в чём не виноват. Мне показалось, что Ирина уверена в этом без слов.

Когда Ланге увели, Лев Николаевич обратился к Кудасову:

– Егор Федотыч, а почему вы обвиняете Ланге?

Тот ответил довольно язвительно:

– Потому что я узнал, что он пришёл поговорить с Феликсом Петровичем. После ухода Ивана Сергеевича наш добрый хозяин вызвал Ерофея и сказал ему, что хочет немного отдохнуть. Набравшись сил, он откроет дверь в кабинет и, если дверь поддастся – желающий может смело заходить. Через некоторое время пришёл Ланге. Ерофей решил сам приоткрыть дверь, но она была заперта. Тогда он предложил Ланге подождать в комнате секретаря. Секретарская или приёмная находилась рядом с кабинетом, но не имела с ним общей двери. Ланге не помнит, сколько он просидел, потому что в этот день от волнения забыл положить часы в жилетный карман. Он долго раздумывал, как лучше начать разговор с хозяином, а когда решился, вышел из приёмной и так же, как Ерофей, постучал и опустил ручку двери. Она поддалась и, по словам секретаря, он увидел убитого.

– Зачем же вы арестовали Ланге, — снова спросил Измайлов.

– Потому что он вполне мог совершить убийство.

– Как и любой другой.

– Секретарь был в соседней комнате: так действовать легче всего.

– Слышно ли в секретарской, что происходит в кабинете? — громко отчеканил Измайлов, обращаясь ко всем присутствующим.

– Нет! — ответила Ирина твёрдым голосом, — Отец не хотел, чтобы семейные разговоры кто-то мог услышать в приёмной.

— Позвольте мне самому разобраться, кто здесь виноват, — раздражённо заявил Кудасов. — Ерофей сказал, что Феликс Петрович и Ланге были в ссоре.

— Вы правы, — неожиданно заявил Измайлов. — Я знаю наверняка, что на днях Ланге уволили. Но давайте объясним себе простую вещь: как ему удалось заставить Феликса Петровича достать стилет из сейфа? Иван Сергеевич рассказал, что вы лично присутствовали, когда оружие убрали в сейф и заперли. (Веригин веско кивнул).

— Ах, это?.. — нерешительно произнёс Кудасов и замолчал. Он взглянул на Амалию Борисовну, но она смотрела на него, приподняв подведённые брови.

— Гхм! — внушительно крикнул Егор Федотыч. — Я думаю, мои подчинённые уже осмотрели место преступления, и сейчас доложат мне свои выводы.

Потрясающее открытие

Мы сидели в гостиной, ожидая, чем всё закончится. Игорь курил здесь же, хотя знал, как этого не любит Елизавета Кондратьевна. Она его не замечала, по-детски жалобно похныкивая у самого окна. Её, как могла, утешала Кати: поправляла ей волосы, что-то шептала на ухо и вовремя меняла платки.

Ирина сидела прямо, не обращая ни на кого внимания. Впрочем, мало кто решился бы её сейчас потревожить. Я хорошо знал сестру: смельчак, вызвавший сестрин гнев, мог пережить последний день Помпеи.

Измайлов и Веригин играли за столиком в шахматы. Вот это нервы! Я честно пытался примерить кого-нибудь на роль убийцы, но выходило так же неубедительно, как у Егора Федотыча.

Наконец, он вошёл и сел рядом с супругой. Амалия Борисовна была в том же полубморочно—вопросительном состоянии, но это было не важно: все ждали, что скажет коллежский советник.

Он помялся, похлопал себя по колену и заявил:

— Всё очень странно, дамы и господа. Да, очень... Феликс Петрович убит стилетом, который нужно достать из сейфа. Недавно во время обеда он всем продемонстрировал этот стилет, и каждый из нас мог подойти, потрогать оружие и даже помахать им, воображая себя Персеем! (Тут Егор Федотыч покривил душой, ибо Персей предпочитал оружие покрупнее).

Амалия Фёдоровна что-то пискнула, но Кудасов решительным жестом прервал исходившие из неё звуки.

— Да. Зачем же тогда Феликс Петрович решил заново достать стилет из сейфа? — Он повысил голос: — Что могло заставить его открыть дверцу к собственной смерти?!..

Тут послышался новый взрыв рыданий несчастной вдовы и возмущённые возгласы мужчин.

— Егор Федотыч, — неожиданно обратился к нему Измайлов. — Разрешите мне взглянуть на орудие преступления. Разрешите, — вежливо повторил он.

— Я не люблю, когда посторонние вмешиваются в следствие, — повысил голос Кудасов и неожиданно закончил: — Но вдруг у Вас появятся хоть какие-то мысли.

Он встал, грузно прошёлся по паркету и вышел. Отсутствовал он недолго и вскоре вернулся на своё место, передав Измайлову оружие, вложенное в платок. Кровь на лезвии, видимо, уже стёрли.

Произошло движение: женщины боялись смотреть на стилет, ещё недавно торчавший из спины покойного. Мужчины же в полном составе проявили любопытство к носителю смерти, как будто не видели его за обедом.

Один Измайлов казался спокойным и сосредоточенным. Он взял оружие так, чтобы касаться его через платок, и, не торопясь, осмотрел. Затем повернулся к окну и принялся на свету рассматривать камни, служившие змее глазами.

Лев Николаевич осторожно передал стилет Кудасову, так и не коснувшись его руками.

— Это не тот стилет, который мы видели днём, — объявил он.

Почти минуту мы все молчали, вытаращившись на Измайлова.

— Это чушь, глупость, нонсенс и ерунда! — завопил Кудасов так, что его супружница отшатнулась от него с диким взглядом. — Это тот самый стилет, что лежал в сейфе: Феликс Петрович при нас его туда положил!..

— Нет, — упрямо повторил Лев Николаевич. — Я видел настоящий стилет, я видел настоящие изумруды.

В это время Веригин, подошедший к спорщикам во время экзерсисов Измайлова, взял из рук ошеломлённого Кудасова клинок и, глядя на рукоятку, медленно произнёс:

– Это – подделка. Ручаюсь...

Кудасов не сдавался:

– Откуда же появилась эта подделка, если мы имели дело с подлинником?..

Ответил Веригин:

– Существуют реплики известных исторических предметов. Выходит, что убийца принёс сюда эту реплику.

– «Реплику»!.. Реплика в театре актриски перебрасываются!.. — брюзгливо начал Егор Федотыч. — И что мы теперь имеем?..

Он продолжал противным раздражительным тоном:

– Допустим, Феликса Петровича убили этим стилетом. «Репликой». Вопрос остаётся прежним: «Зачем он достал подлинник из сейфа?»

Тут я не выдержал:

– Может быть, дядя и не доставал стилет из сейфа. Убийца заколол его и открыл сейф дядиными ключами.

Кудасов презрительно на меня посмотрел:

– Молодой человек. Это Вы спрашиваете меня, коллежского советника сыскной полиции?.. Вы лучше всех видели положение тела (тут снова раздался писк Амалии Борисовны и взрыв рыданий со стороны Елизаветы Кондратьевны). Как убийца мог открыть сейф, если ключи от него пришиты к шнуруку и вложены во внутренний карман жилета?..

Я объяснил:

– Убийца оторвал шнурук, и воспользовался ключами.

Коллежский советник смотрел на меня с гаденькой ухмылкой:

– Шнурук на месте. Пришит крепко. Что ещё придумаете?..

Я сражался изо всех сил:

– Убийца – крепкий мужчина. Он подтянул тело к сейфу и открыл дверцу.

Кудасов глядел на меня ясными глазами:

– Нет. Крепкий мужчина не может подтянуть тело к сейфу. Во-первых, на столе останутся следы крови. А во-вторых: никто не может подтянуть тело к сейфу: оно приколото к столу, как бабочка в коллекции гимназистки!..

Тут уж мужчины выразили всё негодование неприличным поведением Кудасова в присутствии дам. Напор был стремителен и дружен, так что невоспитанному Огюсту Дюпену¹ пришлось принести публичные извинения. Он даже попросил прощения у Амалии Борисовны, чем поверг её в полное изумление.

Когда суэта и поднятый шум немного улеглись, Лев Николаевич внезапно громко произнёс:

– Меня гораздо больше интересует, куда делся настоящий стилет?

¹ Огюст Дюпен – сыщик—любитель, герой рассказов Эдгара По.

Зонты и трости

Неожиданный вопрос Измайлова прихлопнул мои рассеянные мысли, как сачок — бабочку и вернул их к сути. Видение мёртвого тела, пронзённого стилетом, разлившихся по столу чернил и дядюшкиной протянутой руки до сих пор стояло у меня перед глазами, но только сейчас я понял, что исчезло сокровище небывалой цены. Я оглядел присутствующих: к ним тоже стало приходить осознание новой утраты. Это известие потрясло даже неторопливый ум Амалии Борисовны: она округлила глаза и застыла с приоткрытым ртом. Елизавета Кондратьевна прекратила плакать, и наступила нехорошая тишина.

Егор Федотыч почувствовал себя под прицелом глаз окружающих и ошутимо занервничал. Сейчас он напоминал большой, пышущий жаром самовар с роскошными усами и блестящим лбом. Видимо, желая дать себе отсрочку, он вызвал полицейского офицера и велел ему перерыть кабинет сверху донизу, чтобы найти стилет. Хотя мне этот метод показался безнадёжным, я смолчал.

Когда исполнительный полицейский скрылся, Кудасов, наморщив лоб, обратился к нам:

— Есть ли у кого-то из присутствующих оружие?

— У меня, — отозвался Измайлов. И, выждав немного, продолжил: — Я всегда ношу с собой трость со стилетом. Это придаёт мне уверенности, когда я гуляю по ночному городу.

Вот так номер! Похоже, этот человек ещё интереснее, чем я полагал. Не удивлюсь, если он дома хранит коллекцию ядов. А, может, у него есть любимая ручная змейка?.. С ним нужно держать ухо востро.

Новость о стилете на всех подействовала по-разному: Амалия Борисовна приглушённо вскрикнула, и, кажется, собралась упасть в обморок, но, уколовшись об острый взгляд мужа, передумала. Игорь вопросительно поднял бровь, Елизавета Кондратьевна решительно убрала платок в потайной кармашек платья, Кати оживилась, рассматривая Измайлова. И только наш Бальзак остался добродушно—невозмутимым, как прежде: нашли кого удивить стилетом!..

Воспрявший духом Егор Федотыч разгладил усы:

— Значит: стилет «на всякий случай»?.. Так—так. Занятно. Есть ли ещё у кого-нибудь трость с секретом? Будьте внимательны (он нравоучительно поднял палец): сейчас я веду речь о трости, в которую можно что-то спрятать, и это — не обязательно оружие.

На этот раз отозвалась m—lle Кати:

— У меня есть зонт—трость, с чрезвычайно удобной ручкой. Но, уверяю вас, я использую его для совершенно безобидных вещей. Он часто заменяет мне сумочку. — И она улыбнулась очаровательной, заговорщической — как я её про себя назвал — улыбкой. При такой улыбке уголок рта у неё медленно приподнимался, пока под правым глазом не образовывалась симпатичная складочка, и получалось что-то похожее на подмигивание.

— Что же вы там храните? — поинтересовался Кудасов.

— Всё, что нужно самостоятельной женщине, — удивлённым голосом отозвалась Кати, — нюхательную соль и мои пахитоски.

— Пахитоски, — повторил Кудасов, кивая головой. — И они у вас в зонтике не ломаются и не крошатся?

— Нет, — она подняла брови и поджала губы. — Не в зонтике, а в ручке. И они не валяются порознь, а лежат в специальном кожаном футлярчике.

Похоже, она здорово озадачила коллежского советника, который не был знатоком дамских аксессуаров. А мне пришла в голову отличная мысль. Я решил искренне помочь следствию и Егору Федотычу:

– Вы можете также осмотреть ручку моего зонта. Во избежание подозрений.

Меня поддержал Веригин:

– У меня обширный зонт с прекрасной ручкой из слоновьего бивня!

После этих воодушевляющих слов мы отправились в холл, где под вешалками в виде лосяных рогов стояли замечательные плетёные корзины Елизаветы Кондратьевны для зонтов и тростей. Игорь из любопытства увязался за нами.

Глядя, как Кудасов проводит досмотр, я невольно задумался о том, что неплохо было бы в полицейских школах ввести новую научную дисциплину — зонтологию. Пожалуй, зонт может рассказать о своем владельце не меньше, чем его почерк. Большой, просторный зонт с массивной ручкой, конечно, принадлежит Веригину. Он олицетворяет его широкую, устойчивую к посторонним влияниям натуру. А элегантный дамский зонт—тросточка, очевидно — дорогая игрушка Кати: изящество, тонкий вкус и склонность к сюрпризам. Впрочем, я увлёкся...

Досмотр начался, конечно, с трости Измайлова, — он сам вручил её Кудасову и показал, куда нажимать, чтобы ручка открылась. Однако наш хранитель закона так и не смог открыть ларчик. Тогда Измайлов взял трость в руку и легко вынул длинный блестящий стилет, который выглядел как короткая, но мощная шпага. Набалдашник трости был выполнен в виде стилизованного цветка лотоса, но все уставились на смертоносный клинок, поблёскивающий в свете свечей.

Егор Федотыч разглядывал жуткий стилет и затейливую трость—футляр в замешательстве. Я и сам подумал, что будь я бандитом, убежал бы при виде такого оружия, не раздумывая. Наблюдая за реакцией полицейского, Измайлов задумчиво протянул:

– Вам, верно, кажется, что я решил прогуляться по дому с тростью, убил Феликса Петровича, затем воткнул в него подделку и украл стилет?

– Нет, мне так не кажется! — огрызнулся Кудасов. — И попрошу не приписывать мне ваших фантазий!

Чтобы погасить гнев, он отложил трость в сторону и продолжил досмотр.

Мило улыбаясь, Кати продемонстрировала всем устройство своего зонта—тросточки. Ручка зонта из лимонного дерева с зеленоватым отливом, в тон обтяжки, напоминающая по форме сложенный зонтик, легко отвинчивалась, открывая доступ к хранилищу для дамских секретов. Однако секреты эти оказались незатейливы, как и предупреждала хозяйка: платок, бежевый футлярчик с пахитосками и пара записок, которые Кудасов не стал разворачивать, продемонстрировав неожиданную для его профессии деликатность.

В зонте Веригина, как и в моём, ничего предосудительного не оказалось, хотя ручкой слоновой кости при желании можно было проломить голову, а парусом зонта укрыть троих человек.

Через некоторое время мы вернулись в гостиную, где нас встретили настороженные взгляды Елизаветы Кондратьевны и Амалии Борисовны. Ерофей так и стоял, не двигаясь, у дверей, что придавало ему сходство с деталью интерьера.

Грузно опустившись в кресло, Кудасов сказал:

– Что ж, зонты и трости гостей я осмотрел. Сам я предпочитаю ездить на извозчике, поэтому зонт с собой не ношу. А теперь попрошу многоуважаемых хозяев сосредоточиться и вспомнить, сколько всего зонтов и тростей имеется в доме.

Оглянувшись на сестру, Игорь ответил за всех:

– У меня есть пара любимых тростей и пара зонтов. Кое-какие трости есть... были у отца, но он их не очень любил.

– У меня три зонта от дождя, — поддержала брата Ирина. — У Елизаветы Кондратьевны много парасолей, — точного количества не припомню (совсем успокоившаяся молодая вдова кивнула). Есть зонты и у прислуги...

Егор Федотыч был озадачен количеством предметов, которое ему предстояло осмотреть. Он надолго замолчал, теребя ус, и обдумывая услышанное. Я понял, что теперь ему придётся прочесать весь дом вместе с мебелью и закоулками, обследовать балкон и фасад в поисках возможных трещин и тайников. Усы Кудасова подрагивали от напряжения. Но через пару минут я почувствовал, что ему в голову пришло какое-то решение.

— Мы обязательно всё осмотрим, — пробормотал он. — Осмотрим.

Затем окинул присутствующих взглядом строгого сыча, и твёрдо произнёс:

— Дамы и господа. Мне необходимо произвести личный досмотр.

Очень личный досмотр

Пауза после слов Кудасова быстро налилась свинцом, но молния ударила с нежданной стороны. Во всеобщем молчании прозвенел голос моей тёти:

— У вас есть на это право, Егор Федотыч? Покажите мне бумагу...

Гений сыска сразу сник и превратился из начальника в просителя:

— Елизавета Кондратьевна. Я глубоко уважаю вашу семью. Мы же хотим найти убийцу... вашего мужа.

В ответ он получил безжалостный и точный удар от Ирины:

— В вашем присутствии, Егор Федотыч, произошло преступление, а сейчас вы собираетесь отыграться на нашей семье!

Это был нечестный приём, но я знал, что Ирина никогда не простит Кудасову ареста Ланге. В жестокой мести она была неумолима, как богиня возмездия Немезида. Правда, у неё были смягчающие обстоятельства: не каждый день переживаешь смерть отца, бесследно исчезает внушительная часть наследства, и арестовывают любимого человека.

— Ирина Феликсовна, — опешил коллежский советник, — я же ищу преступника и оружие преступления.

— Значит, вы ищете преступника, Егор Федотыч? — раздался ядовитый голос Игоря. — А мы должны сейчас выстроиться в ряд в полосатых купальных костюмах и разложить на полу свою одежду?!..

— Вы передёргиваете, Игорь Феликсович, — дал петуха бедный Кудасов. — Я прошу об одолжении, о помощи следствию. Я глубоко озабочен...

— «Дамы и господа. Мне необходимо произвести личный досмотр», — голосом, полным ненависти, процитировала Ирина.

В этот момент не хотел бы я быть Егором Федотычем: Лесковы припёрли его к стенке. Втайне я даже гордился своими родственниками. Семья — это страшная сила!

На Кудасова было жалко смотреть: он вытирал платком пунцовое лицо, по которому градом катился пот. Его фельдмаршальские усы утратили лихость и тоже приуныли. Амалия Борисовна, похоже, единственная сочувствовала супругу, придав лицу обиженное выражение. Веригин, заинтересованный происходящим, вертел головой туда-сюда, словно следил за шариком пинг-понга.

Конфликт полыхал, шипел и плевался искрами, разрастаясь, как лесной пожар. Помощь Егору Федотычу пришла, откуда не ждали. Измайлов встал со своего кресла и обратился к присутствующим:

— Дамы и господа. Вы вправе остаться при своём мнении, однако прислушайтесь к опытному разведчику. — Лев Николаевич сделал паузу. Никто не собирался спорить с опытным разведчиком. — Я первый готов предоставить себя в распоряжение полиции (Кудасов начал понемногу приходить в себя). После досмотра станет ясно, что краденого стилета у меня нет. Это — раз. Кроме того, Егору Федотычу придётся отпустить меня домой. Это — два.

Все ждали слова «три», но Измайлов закончил:

— Это — всё, дамы и господа. Я уверен, что Егор Федотыч деликатно отнесётся к присутствующим, а дамам, несомненно, поможет дама.

— Несомненно! — подала голос вездесущая госпожа Кудасова. Её супруг с обожанием глядел на спасителя; кончики его усов победно приподнялись.

Слушатели немного поволновались, но все сошлись на том, что Измайлов прав. Дам заботило лишь то, что из полиции привезут бой-бабу, которая не сможет предупредительно отнестись к высшему обществу. При мысли о сотрудницах полиции, мне отчего-то пред-

ставилась широкая в кости командирша партизанского отряда в войну 12—го года Василиса Кожина. Сам я — не любитель таких экземпляров...

Положение спасла Амалия Борисовна, вышедшая на середину гостиной поступью оперной примадонны. Её крупная колоритная фигура в тёмно—красном платье с кружевами поневоле притягивала взгляды.

— Милые дамы, — сказала она, многозначительно улыбаясь, — мне также нужна помощь при личном досмотре, поэтому я попрошу mademoiselle Кати внимательно проверить мою одежду. А я, в свою очередь, помогу всем вам.

Это заявление разрешило все недоразумения. Егор Федотыч смотрел на жену с восхищением, — вероятно, он впервые воспользовался этим чувством в семейной жизни. После того, как эйфория прошла, ему что-то пришло в голову:

— А если ты наткнёшься на преступника?.. На преступницу, — поправился он.

Амалия Борисовна поглядела на него с укоризной:

— Ну, не начнёт же преступница крошить всех ножом направо и налево?

— Стилетом. Не ножом, а — стилетом, — машинально поправил Кудасов и криво усмехнулся сомнительной на мой вкус шутке. Героиня же повернулась к Измайлову и, чёрт меня побери, если он не улыбнулся и не кивнул ей в ответ! Кругом — одни заговорщики.

В этот раз из немногочисленных оттенков своей речи госпожа Кудасова выбрала для своего мужа утешающе—наставительный:

— Это вряд ли случится. А если и возникнет подобная опасность, кто-нибудь из нас обязательно успеет позвать на помощь. — Гордясь своим хладнокровием и, кажется, ощущая себя предводительницей амазонок, Амалия Борисовна произнесла:

— Дамы! Прошу вас следовать за мной.

Когда пёстрая процессия, замыкаемая лиловым турнюрком Елизаветы Кондратьевны, скрылась за дверью, Кудасов, ещё не до конца оправившийся от обвинений, предъявленных моей роднёй, вызвал молодого полицейского и возложил на него бремя обыска. Кавалеры покинули гостиную и расположились в библиотеке.

Я сел возле большого глобуса и принялся рассеяно его крутить. В целом следственная процедура оказалась довольно скучной и ничем не напоминала описанный Игорем парад в полосатых купальниках. Дело в том, что полиция искала стилет — вполне выдающуюся вещь, которую не спрячешь, скажем, под широким галстуком.

Полицейский, которому надлежало произвести личный досмотр, оказался белокурым юнцом с едва наметившимися усиками, исполнительным, но очень застенчивым. Видно, предстоящая работа не вызвала у него особого восторга: он ошарашенно смотрел на нас, не решаясь приступить к обыску, и на щеках у него даже выступил нервный румянец.

Лев Николаевич помог и тут:

— Вы можете начать с меня. Я вполне готов, — с этими словами он начал расстёгивать смокинг, а Бальзак—Веригин ободряюще улыбнулся молодому следователю.

После этого дело пошло на лад. Полицейский осматривал содержимое карманов и осторожно ощупывал владельца. От безделья я стал подумывать, насколько интереснее вместо господ обыскивать симпатичную барышню: да, хоть бы и очаровательную цветочницу, которую я встретил днём! Чувствовать тепло её спины, не закованной в тугую корсаж, или задержаться рукой на скульптурно круглом колене...

— Михаил Иванович, ваш глобус сейчас улетит в космос, — вернул меня к действительности голос Измайлова. Действительно: я слишком закрутил нашу бедную Землю.

Веригин без пиджака казался больше и неторопливее, Игорь — хуже и нервнее, а Лев Николаевич сохранил свои формы и невозмутимость.

Перечень обнаруженных предметов юнец заносил в протокол, старательно сопя. Впрочем, улов оказался небогат: носовые платки, монеты, коробок шведских спичек, два портси-

гара, щёточка для усов Веригина, ключи — одним словом, ничего, оставляющего простор воображению. Всеобщее внимание привлекло только небольшое увеличительное стекло в нагрудном кармане Измайлова, которое ювелиры вставляют в глаз и удерживают силой мимических мышц. Либо убийцы среди нас не было, либо он не собирался прятать громоздкий стилет в жилетном кармане.

Мы вернулись в гостиную. Кудасов оседлал стул задом наперёд и в мрачных раздумьях смотрел в пространство. Полицейский с видом гимназиста, успешно написавшего сочинение, торжественно подошёл к нему и объявил:

— Ваше высокоблагородие. Личный досмотр произведён. Никакого оружия и других подозрительных предметов не обнаружено. Вот протокол.

Егор Федотыч вздохнул и с безнадёжным видом уселся за стол читать.

В ожидании дам, мы решили с пользой провести время у столика со спиртными напитками. Кудасов с завистью смотрел на нас, но не решался присоединиться. Нам же после досмотра необходимо было укрепить дух и расшатанные нервы, а что в такой ситуации может быть лучше спиртного? Хотя я, признаться, не отказался бы и от хорошей закуски. Не считите меня за бесчувственное чудовище, но таково уж свойство моей натуры: в нервной обстановке во мне всегда просыпается аппетит.

Я подошёл к Игорю, который закусывал коньяк «Камю» долькой лимона и просто сказал:

— Я сочувствую тебе, как брат брату, но не привык пить без закуски.

Игорь, впрочем, вполне владел собой и обратился к Ерофею, стоящему у дверей, словно статуя печального и старого Командора:

— Ерофей. Пускай принесут бутерброды с рыбой, мясом, икрой и сыром.

Кудасов блеснул на нас печальными глазами. Мне ясно представлялось, что он много надежд возлагал на процедуру, чуть не приведшую к безобразному скандалу. Если б он нашёл стилет, это частично примирило бы его с Лесковыми. В противном случае ему придётся искать драгоценный клинок на двух этажах огромного дома. Довольно живо я представил себе, как Егор Федотыч входит в библиотеку и его глаза становятся квадратными от обилия полок и книг.

Я пил водку с мартини и закусывал тарталетками с икрой. Честно говоря, я боялся думать, что кто-то из моих родственников убил ещё более близкого им родственника. Веригин мог бы убить из-за стилета, но я не мог представить огромного Бальзака, крадущегося в кабинет или убегающего от погони и перемахивающего через заборы. Измайлов имел к этому все способности, но тогда его действия казались абсолютно нелепыми: зачем он помогал переправить стилет через границу, если мог попросту украсть его? — План безопасности операции принадлежал ему. Для Кати было бы глупо терять покровителя и партнёра по весьма выгодному бизнесу; да и куда она пойдёт с краденым стилетом?.. Зато детям и жене дядюшки его смерть сулила осязаемую выгоду.

К сожалению, мы не успели в полной мере воздать должное Бахусу: минут через пять в гостиной появился выводок дам во главе с Амалией Борисовной. Женские туалеты ничуть не пострадали после грубого вмешательства, а госпожа Кудасова степенно подошла к высокочившему из-за стола мужу.

— Ну, как всё прошло? — выдал он мучивший его вопрос.

— Замечательно! — продекламировала Амалия Борисовна.

Кудасов растерялся:

— Ты нашла стилет?..

— Я *ничего* не нашла, — ответила супруга, многозначительно выделив интонацию словом.

Мы все устали на растерявшегося Кудасова. Какое-то время Егор Федотыч молча теребил ус в поисках вдохновения, и, наконец, боясь взглянуть на Ирину, сказал:

— Нам не остаётся ничего другого, кроме как осмотреть весь дом.

— Совершенно с вами согласен! — неожиданно бодро откликнулся Веригин. — Я предлагаю начать осмотр с прихожей, чтобы гости могли побыстрее уйти. Ведь мы все в этом заинтересованы?.. — обратился он к присутствующим.

Награда для героя

Вопрос, заданный Веригиным, не предполагал ответа: авторы многоумных трактатов называют его риторическим. Конечно, после ужасных треволнений гостям хотелось скорей разойтись по домам, а хозяевам дома остаться наедине со своим горем. Поэтому Кудасов, вооружившись терпением, которое сегодня ему часто изменяло, вызвал помощников и велел им осмотреть дом. Среди них был и тот исполнительный юнец, который только что нас обыскивал, и, похоже, перспектива перетряхивания комнат казалась ему более заманчивой, чем обшаривание чужих карманов. По крайней мере, в этот раз он выглядел довольно бодро.

После того, как была отряжена следственная экспедиция, мы опять остались наедине со своими подозрениями и тревогами. Гнетущая атмосфера давила. А ведь вечер начинался так чудесно!

Напряжённое молчание прервала Ирина:

— Господа, я хочу сделать важное объявление.

Кудасов, видимо, не ожидал от вступления ничего доброго и в волнении взялся за правый ус. Оставшийся в одиночестве левый ус воинственно топорщился в явном противоречии с настроением обладателя.

— Я объявляю награду тому, кто найдёт преступника, — торжественно произнесла Ирина, с вызовом глядя на Кудасова. Звучало это так, будто она объявила награду за голову преступника, что было близко к истине. Однако цель, как я понимал, была иной: месть за Ланге преследовала незадачливого стража закона. Зная темперамент моей кузины, я был уверен, что она не остановится на достигнутом, пока не поквитается с Егором Федотычем.

— Ирина Феликсовна... Я считаю, что это неудачная затея, — попытался возразить догадавшийся обо всём Кудасов.

— Егор Федотыч! — сверкнула глазами Ирина. — Я прошу вас не перебивать меня. Я приняла твёрдое решение, и никто меня не переубедит. Сумма награды — приличная; победителя, полагаю, она вполне устроит. Ну, что же вы молчите, господа? Кто согласен принять вызов? — Она бросила многозначительный взгляд на Измайлова и он, будто поймав брошенную перчатку, слегка поклонился ей:

— Я готов принять участие в расследовании. Мне кажется, в каком-то смысле я даже обязан это сделать... ради памяти Феликса Петровича.

Тон Измайлова показался мне вполне искренним и, меня это даже слегка растрогало. Вряд ли у моего скупого дядюшки было в этом мире много друзей.

Кудасов, задумавшись, уставился на своего соперника, — и выглядел он довольно самоуверенно, как будто был заранее убеждён в своей победе. Я решил, что даже на случай провала поисков стилета в доме, у него созрел запасной план.

И вновь события приняли неожиданный оборот. Измайлов с мягкой улыбкой обратился ко мне:

— Михаил Иванович, я прошу вас быть моим помощником в этом деле.

Я ненадолго онемел, а Кудасов тут же фыркнул:

— Михаил Иванович и вы, любезный Лев Николаевич, — всё ещё под подозрением. Пусть и — формальным, — поспешно добавил он. — Допустим, вам незачем было замышлять убийство, но мы ещё не знаем всех мотивов господина Гальского...

Кровь вскипела у меня в жилах, и я чуть не бросился на негодея с кулаками, но Измайлов как-то ловко, но необидно оттёр меня в сторону:

— Егор Федотыч. Господин Гальский будет у меня на глазах, и если у меня возникнут на его счёт подозрения, вы первый узнаете об этом. Или вы так боитесь конкуренции? — с хитрецей спросил он.

— Конечно, нет! — поспешил заверить этот бессовестный тип. — Делите деньги с кем хотите.

— Спасибо, — поклонился Измайлов и снова повернулся ко мне:

— Так что: вы согласны, Михаил Иванович?.. Вы, быть может, возразите, что я вас совсем не знаю, но, поверьте моему опыту: я успел заметить в вас много качеств, полезных для расследования. У вас хорошая память, склонность к наблюдательности и отличная реакция. Наконец, вы учитесь по юридической части, что может нам очень пригодиться. А я почти уверен, что вместе мы выиграем у господ полицейских: ум хорошо, а два — лучше.

Мог ли я не принять предложение?.. Давно мне не делали столько комплиментов сразу. Мой внутренний кот заурчал и потянулся, подставляя морду лучам похвалы. Кроме того, Лев Николаевич с самого начала вызывал у меня огромный интерес, и я был не прочь стать его Санчо Пансой. Смело могу сказать, что не награда меня манила, а желание возмездия преступнику за ужасную дядину смерть.

Теперь Кудасов совершенно лишился моего сочувствия, и я всей душой желал ему проигрыша в нашем турнире.

— Я благодарен вам, Лев Николаевич, за предложение и с готовностью принимаю его, — заявил я, и мы с Измайловым обменялись рукопожатием. Затем я одёрнул сюртук и обратился к кухне:

— Можешь не беспокоиться, Ирина, — теперь следствие будет в надёжных руках.

— Очень на это надеюсь, — откликнулась она, — но, всё же, не будь таким самоуверенным. — Затем, нахмурившись, продолжила:

— Перейдём к делу. Я считаю, что будет справедливо, если в выделении призовых денег примет участие вся семья: то есть, я, Игорь и Елизавета Кондратьевна. Общая сумма награды должна составить десять тысяч рублей.

Амалия Борисовна ахнула.

Елизавета Кондратьевна задумчиво погладила карточный столик и слабым голосом сказала:

— Я согласна.

Ирина кивнула и повернулась к Игорю. Тот мрачно смотрел на сестру, засунув руки в карманы, и, очевидно, выражал своё неодобрение происходящему.

— Ну, что ты молчишь? — тормошила его сестра.

— Честно говоря... я сейчас несколько стеснён в средствах, — недовольно сказал Игорь, отводя взгляд. — Если это возможно, прошу избавить меня от участия в твоей затее.

Вот это да! Новое издание «Скупого рыцаря». Прежде я не замечал в своём кузене такого сходства с покойным дядей.

Губы Ирины презрительно дрогнули:

— Игорь, перестань. Это семейное дело, вопрос чести, в конце концов. Ты должен внести свой вклад.

— Ну, если ты настаиваешь... — Игорь смахнул с костюма несуществующую пылинку. И вдруг развернулся ко мне:

— Михаил, ты не мог бы одолжить мне немного?

Этого ещё не доставало! Только родственные чувства удержали меня от резкой отповеди. Я ответил медленно и чётко, как если бы втолковывал что-то ребёнку:

— К сожалению, ничем не могу тебе помочь, милый братец. Мои финансовые дела сейчас тоже не блестящи.

Игорь не отступал:

— Но ведь отец оставил тебе что-то? Не может быть, чтобы сумма была *настолько* незначительна...

Чёрт возьми: кажется, я начал краснеть:

– Я не желаю об этом говорить. Не сейчас...

Тут в разговор вмешалась Ирина, и в её голосе прозвучали стальные нотки:

– Михаил. Посмотри на меня, пожалуйста.

Я взглянул и ничего хорошего не увидел: очередная амазонка перед боем. Мало нам сегодня Амалии.

– Сейчас тебе ни к чему скрывать то, о чём мы узнаем завтра у нотариуса. Какую сумму тебе завещал мой отец?

Честно говоря, я не мог больше выдержать этот допрос, ибо я до сих пор был обижен на дядю. Поэтому, глядя в стену поверх плеча Ирины, я медленно ответил:

– Тысячу. Он завещал мне тысячу рублей.

Конец трудного дня

Прежде мне никогда не доводилось видеть, как человека пожирает совесть. Зрелище не из приятных.

— Я... не знал, — протянул Игорь, проводя рукой по тонким усам. — Не могу поверить... Конечно!.. Мы обойдёмся... то есть, мы соберём нужную сумму втроём. Прости. Прости, Михаил.

— Не нужно извиняться, — ответил я. — Вы тут вовсе ни при чём.

Но я заметил, что и воинственная Ирина опустила голову и отвела глаза. А Елизавета Кондратьевна и вовсе смотрела на меня с такой жалостью, словно я был безродным малюткой, подобранным к её крыльцу.

К счастью, демонстрация всеобщего сочувствия была прервана возвращением полицейских, которые отрапортовали, что и в прихожей ничего предосудительного не нашлось. Вернись нежданные спасители чуть позже, меня, наверное, пожалела бы Амалия Борисовна, чего я боялся, как огня.

Егор Федотыч позволил гостям разойтись. Я довольно сухо с ним попрощался, хотя и знал, что мы разъезжаемся по домам отдыхать, а ему ещё немало придётся выслушать от спянных дядиной смертью господ Лесковых. Амалия Борисовна — напротив — провожала меня, как родного сына на смертную баталию. Кудасов стоял возле неё почти по стойке смирно и, будь у него на голове шлем с наконечником—пикой — вполне сошёл бы за Бисмарка, не ведающего жалости к уходящему сыну.

Добрейший Бальзак—Веригин пожелал нам удачи в расследовании и пригласил заходить к нему, когда выдастся свободная минутка, а Кати обволокла своей мягкой полуулыбкой: казалось, что так она относится только к близким друзьям.

Я сдержанно простился с Игорем и Ириной, которые выглядели жутко уставшими, и тепло — с Елизаветой Кондратьевной. Она удивила меня напоследок, сказав:

— Встретимся завтра на похоронах Феликса.

Я понял, что она окончательно пришла в себя и смирилась с потерей.

Синюю августовскую ночь оведал тёплый ветер. Белые ночи уже не были такими белыми, но даже полночь по столичным улицам Петербурга цокали экипажи и бродили гуляющие. Ветер с Невы доносил лёгкий запах водорослей и дёгтя.

Вызванный Ерофеем извозчик ждал Льва Николаевича у подъезда, и он предложил подвезти меня до дома. Предвкушая возможность скоротать дорогу за увлекательной беседой и одновременно сэкономить, я согласился.

Когда мы сели на извозчика, Лев Николаевич поинтересовался:

— Где вы живёте, Михаил Иванович?

— Миллионная улица, дом 17.

— Вот так да! — воскликнул он. — А я живу в соседнем доме!

Мы взглянули друг на друга изумлённо, как будто нас объединила какая-то приятная тайна.

— Значит, у нас гораздо больше общего, чем любовь к анютиным глазкам, — усмехнулся я. — Как же так вышло, что мы прежде не встречались?

— Возможно, режимы нашего дня не совпадают. Я, к примеру, очень люблю вечерний, и даже ночной моцион. Что может быть прекраснее нашей Северной Венеции ночью? — и он рукой показал на сквер перед громадой Исаакиевского собора.

— А я по вечерам хожу в гости, — сознался я. — Сегодня всё тоже так хорошо началось...

Мы помолчали.

— Скажите, Лев Николаевич, — не утерпел я, — с чего Вы взяли, что у меня хорошая память и склонность к наблюдательности?

— Вспомните, как вы спорили с Кудасовым, приводя свои версии убийства. Они основаны на вашей наблюдательности: я знаю, что вы совсем немного времени провели в кабинете после крика Ланге. Отличная реакция?.. Вы первый прибежали на место преступления.

— Да. Ваши наблюдения точны, — у меня, действительно, отличная реакция: я хороший наездник. Знаете... ведь, я иногда подрабатываю жокеем на скачках, скрывая своё настоящее имя. Можно сказать — веду двойную жизнь.

— Великолепно! Ваша способность к конспирации пригодится в поисках преступника. — Глаза Измайлова сверкнули в сумерках. — Михаил Иванович, а что вы скажете, если я предложу вам переехать ко мне? Так будет удобней вести дело.

Его вопрос застал меня врасплох, но я тут же признался себе, что с Измайловым, должно быть необыкновенно интересно жить.

— Если я вас не стесню...

— Нисколько! Семьи у меня нет. В задних комнатах живёт мой денщик Данила и кухарка Арина. Кухарка готовит — пальчики оближешь! Впрочем, есть ещё один жилец... но у меня есть основания полагать, что он вам понравится после официального представления.

— Люблю всяческие секреты! — воскликнул я. — Разве могу я после этого отказаться от столь заманчивого предложения?..

— Ну и славно!

— Но, знаете: меня беспокоит Кудасов.

— Да?..

— Сейчас он может по горячим следам найти преступника, и Лесковы просто выбросят десять тысяч на ветер... Неразумно как-то.

— Михаил Иванович, — отозвался Измайлов, — ваша сестра Ирина сразу почувствовала: раз Кудасов не нашёл пропавший стилет, значит, и убийцу он быстро не найдёт.

— Хорошо, но у него столько возможностей...

— Это — необычное дело, Михаил Иванович. Мой опыт подсказывает, что логика Егора Федотыча спасует перед странными деталями.

— Однако, он выглядел очень самоуверенно.

— Кудасов собирается найти человека, который продал убийце поддельный стилет.

Ответ сразил меня наповал:

— Откуда вы это знаете?!.. Кто вам сказал?

— Никто. Я бы сам поступил именно так.

— И вы так спокойно об этом говорите!.. Так Егор Федотыч обскачет нас на пять корпусов.

— Не обскачет. Потому что убийца — необычный преступник. А всю обычную работу Егор Федотыч со своими молодцами сделает за нас.

— Вы фаталист??

— Нет, — он покачал головой в глубине коляски. — Я — исследователь жизни.

— Раз уж мы будем жить и работать вместе, предлагаю отбросить формальности. Зовите меня просто Михаилом и «на ты», — в своём расположении ко Льву Николаевичу я был готов на всё.

— Я просто буду звать вас Михаилом. — Измайлов положил ладонь на рукав моего сюртука. — У нас не такая уж большая разница в возрасте — мне только двадцать шесть. Признайтесь: вас тоже сбила с толку моя борода? Из-за неё я кажусь старше своих лет.

— Пожалуй, да. Но вы говорите, как весьма опытный человек...

– Вы правы, Михаил. Может, когда-нибудь я расскажу об этом. — Коляска остановилась. — А, вот и ваш дом... Что ж, отсыпайтесь, отдыхайте, а завтра прямо с утра можете прислать ко мне лакея или камердинера с вещами.

Смущаясь и невольно злясь на собственное смущение, я пробормотал:

– К сожалению, у меня нет ни лакея, ни камердинера.

Измайлов ободряюще взглянул на меня:

– Пожалуй, так даже лучше. Зато у вас есть военно—полевой опыт самообслуживания.

Мы простились, сердечно пожав друг другу руки. Сейчас было почти невозможно поверить в то, что в начале нашего знакомства этот человек вызывал во мне раздражение.

У меня не осталось сомнений, что сегодня я нашёл нового друга.

Мой новый дом День второй

В то утро я, как обычно, проснулся от выстрела петропавловской пушки. Пробивавшийся сквозь шторы солнечный луч ласково гладил меня по щеке. Утро было бы прекрасным, если бы в безмятежной тишине спальни комнаты мне не почудилось чьё-то невидимое присутствие. Пытаясь справиться с собой, я поглубже зарылся в подушки, но липкое чувство тревоги не уходило.

В конце концов, я сдался и рывком сел на постели. К моему глубокому удивлению и смущению, оказалось, что я не один. В дальнем углу комнаты на стуле сидел какой-то скромно одетый мужчина с окладистой тёмно-русой бородой. Увидев, что я больше не сплю, он встал, и, поклонившись, изрёк глуховатым голосом:

– День добрый, Михаил Иванович! Я Данила, денщик Льва Николаевича. Он прислал меня перенести ваши вещи. — Данила провёл широкой рукой по голове, но густые кудрявые волосы не обратили никакого внимания на старания хозяина.

Досадую на собственный испуг, я, наверное, ответил излишне резко:

– Премного благодарен тебе, братец, но в другой раз, будь добр, стучи, прежде чем войти! (Не каждый день просыпаешься в собственной спальне и обнаруживаешь незнакомца, который созерцает тебя в неглиже).

На добродушного Данилу моя отповедь, похоже, не произвела особого впечатления. Чуть сбавив тон, я отправил его за дверь подождать, пока я умоюсь и оденусь.

Проделав все положенные утренние процедуры, я взялся за раскладывание вещей. И только сейчас вспомнил, что поводом к переезду послужила страшная смерть дяди Феликса. Мысль об этом мешала мне собираться, но Данила многое сделал без моего участия. Одежду и самые необходимые вещи он предложил перенести сразу же, а за книгами, письмами и чепухой, которую жалко выбросить – прийти попозже.

Подаренный отцом костяной нож в футляре я нацепил себе на пояс, а в руку взял неизменный зонтик. Нагруженный под завязку, я вслед за Данилой вышел в наш двор—колодец, который необходимо пройти, чтобы выйти на улицу.

День выдался превосходный. Любуясь начищенным золотым блюдом солнца, застывшим на небесной голубой скатерти и подставляя лицо прикосновениям ветерка, я невольно ощутил прилив сил.

– Доброго денька! Переезжаете, Михаил Иваныч? — услышал я бас старшего дворника Герасима.

– Верно, переезжаю, — удивился я, — а кто ж тебе сказал, Герасим?

– Так, Данила Степаныч и сказали, когда попросились внутрь войти...

Только сейчас я вспомнил, что не спрашивал, как денщик пробрался в мою квартиру.

– Ладно. Передай барыне, что я теперь живу у Льва Николаевича.

– Обязательно, Михаил Иваныч. Здоровьячка вам.

Всё складывалось просто великолепно: обоими домами, в которых мы жили с Измайловым, владела полковничиха Лихарева. Это делало переезд похожим на пустую формальность.

Хотя меня покусывало беспокойство, что мы ещё не договорились, сколько придётся платить на новой квартире, внезапно вспомнилось, что со смертью дядюшки я кое-что наследую. Да и не стоит забывать, что мы со Львом Николаевичем собираемся выиграть круглую

сумму. Победа над Кудасовым и справедливое наказание преступника в этот миг мне отчего-то казались делом решённым.

Как выяснилось, в отличие от меня, Лев Николаевич жил на первом этаже, а парадная лестница, ведущая в его квартиру, имела вход прямо с Миллионной. Я даже слегка возвысился в собственных глазах, входя в дверь с ослепительно начищенной ручкой.

Через просторную, залитую светом прихожую мы прошли в гостиную, где нас встретил гостеприимный хозяин. Судя по обстановке: шкафу из тёмного орехового дерева с ножками конической формы, большому зеркалу в охристых тонах с растительным орнаментом и изящным стульям с причудливо изогнутыми спинками, Лев Николаевич был большим любителем новомодного либерти—стиля. На противоположных стенах гостиной висели две больших картины. Одна из них, изображавшая рассвет над рекой, кажется, принадлежала кисти Моне.

С приветливой улыбкой Лев Николаевич шагнул мне навстречу:

— Добрый день, Михаил, чрезвычайно рад вас видеть. Выглядите вы бодро, — должно быть, хорошо отдохнули?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.